

И.П. ТОЛМАЧЕВ

ПО ЧУКОТСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА

Предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 году Отделом Торгового Мореплавания Министерства Торговли и Промышленности.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

Экономическая Типо-Литография, Вас. Остр. 14 л. д. 5.

1911

Экспедиция, краткому изложению работ которой и её результатов посвящается эта статья, возникла путём, не совсем обычным для научных экспедиций. Экспедиция была выдвинута, можно сказать, самой жизнью, интересом, пробудившимся к нашим полузабытым окраинам, в частности к Северу, сознанием слабой связи окраин с метрополией и необходимости усилить так или иначе эту связь. В числе первых мероприятий в этом направлении было намечено улучшение путей сообщения в Сибири. Обсуждая этот вопрос, Совет Министров касается необходимых мер для содействия мореплаванию вдоль северного побережья Сибири — в его восточной части. По поручению Совета Министров, Иркутский Генерал-Губернатор устраивает в Якутске особую комиссию, в которую были приглашены местные и заезжие знатоки севера Сибири, для предварительного обсуждения условий плавания в этих водах, а также и тех мероприятий, которые могли бы облегчить такое плавание или вообще сделать его возможным. Как первую необходимую меру, комиссия признала желательным устройство по всему северному побережью Восточной Сибири ряда опорных пунктов или станций, а затем, ввиду малой известности этого побережья, благодаря чему даже выбор места для таких станций был чисто гадательным, признала необходимым немедленное снаряжение местными силами двух сухопутных рекогносцировочных экспедиций по побережью: одну для Верхоянского и другую для Колымского округа. Временем для этих экспедиций были

назначены первые месяцы 1909 г. Одновременно был поднят вопрос и об устройстве пароходного сообщения с устьями- восточно-сибирских рек — Колымы и Лены — через Берингов пролив. По почину Совета же Министров проект этих экспедиций, а равно и пароходных рейсов, обсуждался в особом совещании при Отделе Торгового Мореплавания Министерства Торговли и Промышленности, которое и признало немедленное устройство коммерческого пароходства в этих неисследованных морях преждевременным и рискованным, а решило устроить в 1909 г. только сухопутную экспедицию, общая организация которой была поручена пишущему эти строки. Таким образом, идея экспедиции, а отчасти и её план родились в административных кругах, тогда как обычно в таких случаях инициатива принадлежит самому исследователю. Первоначально мне было предложено исследование побережья от устья Лены до Берингова пролива, на что я счёл возможным согласиться, при условии хорошего, снабжения экспедиции перевозочными средствами и начала работ с февраля месяца. Имея в своём распоряжении более трёх месяцев санной дороги, я мог рассчитывать пройти за это время от Лены до Колымы, а Чукотское побережье исследовать уже в летние месяцы. План этот, однако, вскоре оказался неосуществимым, в виду того, что снаряжение экспедиции или, вернее, выяснение вопроса об её осуществлении взяло несравненно более времени, чем предполагалось. Первое заседание совещания по организации экспедиции состоялось 20 декабря 1908 г., тогда как на один проезд из Петербурга до ближайшего пункта на подлежащем исследованию побережье нужно около двух месяцев времени. Уже в силу этого маршрут предстоящей экспедиции оказалось необходимым сократить наполовину, и мне было поставлено задачей изучение побережья от устья Колымы до Берингова пролива. Экспедиция была решена в принципе, и было постановлено исходатайствовать для неё необходимые суммы. Тогда же я указал, что, для того, чтобы быть уверенным в успехе, экспедицию необходимо отправить из Петербурга не позже середины февраля, с чем совещание вполне согласилось. Второе заседание того же совещания состоялось 30 января 1909 г., и на нём прежде всего выяснилось, что получить потребную для экспедиции сумму из десятимиллионного фонда невозможно, и что таким образом самая экспедиция является неосуществимой — по крайней мере в начавшемся году. В силу, однако, соображений, что экспедиция

ТАБЛИЦА 1

*1. Экспедиция на р. Медвежьей (Толмачёв, Кожевников, Вебер)
Фото Толмачёва.*

*2. Экспедиция на посту Дежнёва (Румянцев, Толмачёв, Вебер, Бережнов)
Фото Толмачёва.*

желательна в этом году, совещание снова решило возбудить ходатайство об отпуске сумм на посылку экспедиции для исследования всего побережья от устья Лены до Берингова пролива, разделив, однако, эту работу между двумя партиями. Вопрос о средствах для экспедиции был решён в утвердительном смысле к 5 февраля, дню заседания особой подкомиссии при том же совещании, образованной для рассмотрения уже деталей предстоящей экспедиции, выяснению её состава и т.п. День этот являлся почти последним, назначенным мною для отъезда экспедиции из Петербурга, Между тем, фактический отпуск средств для экспедиции явился возможным только 28 февраля. До этого момента экспедиция не могла считаться ещё вполне решённой и, строго говоря, не было даже возможности производить необходимые заказы и покупки без известного риска. В силу тех же причин, до 28 февраля не было возможности сделать какие-либо распоряжения или заказы на местах в Якутской области. Между тем, Якутск является последним пунктом, с которым есть ещё телеграфное сообщение, а отсюда до с. Булуна на Лене считается 1790 вёрст, до с. Казачьего 1770 и до г. Средне-Колымска 2285.

Вопрос о том, возможно ли при таких условиях всё-таки начать экспедицию, поднимался, конечно, не раз. Предполагая, однако, что Якутская администрация, в среде которой проект экспедиции обсуждался, достаточно осведомлена об условиях сообщений в крае и позаботится о беспрепятственном проезде экспедиции из Якутска до начальных пунктов работ на северном побережье Сибири, в чём были даны прямые заверения, мы надеялись, что называется, проскочить на север ещё по зимнему пути, даже выехав из Петербурга в начале марта. Что касается снаряжения экспедиции, по необходимости чрезвычайно спешного, то оно было выполнено лишь благодаря содействию различных лиц и учреждений. Сердечной благодарностью экспедиция обязана прежде всего Начальнику Главного Гидрографического Управления А.И. Вилькицкому, снабдившему обе партии экспедиции картами, книгами и большею частью всех бывших у нас инструментов, причём некоторые из последних были спешно в несколько дней переделаны в мастерской Управления, на что при обычных условиях потребовалось бы несколько недель. А.И. Вилькицкий, кроме того, принял и личное участие в подго-

товке экспедиции, обучив пишущего эти строки производству астрономических наблюдений. Вычисление астрономических пунктов экспедиции ведётся в настоящее время в Главном Гидрографическом Управлении, которое взяло на себя и издание подробной карты экспедиции. Геодезическое Отделение Военно-Топографического Управления снабдило экспедицию инструментами для съёмки, двумя теодолитами и несколькими хронометрами, в чём мы обязаны содействию бывшего заведующего Отделением Н.О. Щёткина.

Личный состав экспедиции сформировался окончательно также только во второй половине февраля. Общее заведывание экспедицией и её организация были поручены мне. На меня же возлагалось и ближайшее руководство работами восточной партии экспедиции — от устья Колымы до Берингова пролива, т.е. Чукотской Экспедицией. В качестве руководителя западной партии, работавшей между устьями р.р. Колымы и Лены, был приглашён К.А. Воллосович. Моими ближайшими помощниками явились капитан корпуса военных топографов М.Я. Кожевников и геодезист Э.Ф. Вебер (таблица 1, рис. 1). Помощники К.А. Воллосовича — штабс-капитан корпуса военных топографов, Н.А. Июдин и астроном Е.Ф. Скворцов.

1-го марта Якутским губернатором И.И. Крафтом, бывшим тогда в Петербурге, была послана в Якутск телеграмма, которая заключала его распоряжения Колымскому исправнику о заготовке для нас различных припасов, закупке товаров, найме оленей, проводников и об устройстве склада на устье р. Чауна. Такая же телеграмма была послана Верхоянскому исправнику по отношению к западной партии. Как мы узнали позднее, Колымский исправник получил это распоряжение губернатора в Средне-Колымске 20 марта с нарочным. Этой телеграммой исчерпывались все распоряжения по поводу снаряжения такой отдалённой и сложной экспедиции, какой явилась Чукотская, работавшая в местности, с которой даже местное население и администрация знакомы очень мало, и где русское влияние равняется почти нулю.

Телеграммы, отправленные губернатором, были составлены при ближайшем моём и К.А. Воллосовича участии. Все трое мы знали те условия, с которыми нам придётся считаться, знали, что условием успеха, а даже, может быть, и самого осуществления экспедиции явля-

ется её возможно скорый проезд от Якутска до океана, много раз говорили об этом, и всё-таки в телеграммах, составленных нами сообща, нет ни одного слова о том, чтобы местная администрация позаботилась об этом проезде. Важность этого условия настолько казалась нам очевидной, настолько мы считали её ясной и для тех, в руки кого прежде всего должны были попасть эти распоряжения, что как бы согласились молчаливо считать упоминание о подготовке проезда экспедиции совершенно ненужным, будучи убеждены, что это первое, о чём сами собою позаботятся на месте. Тяжёлой ценой пришлось нам впоследствии заплатить за эту уверенность!

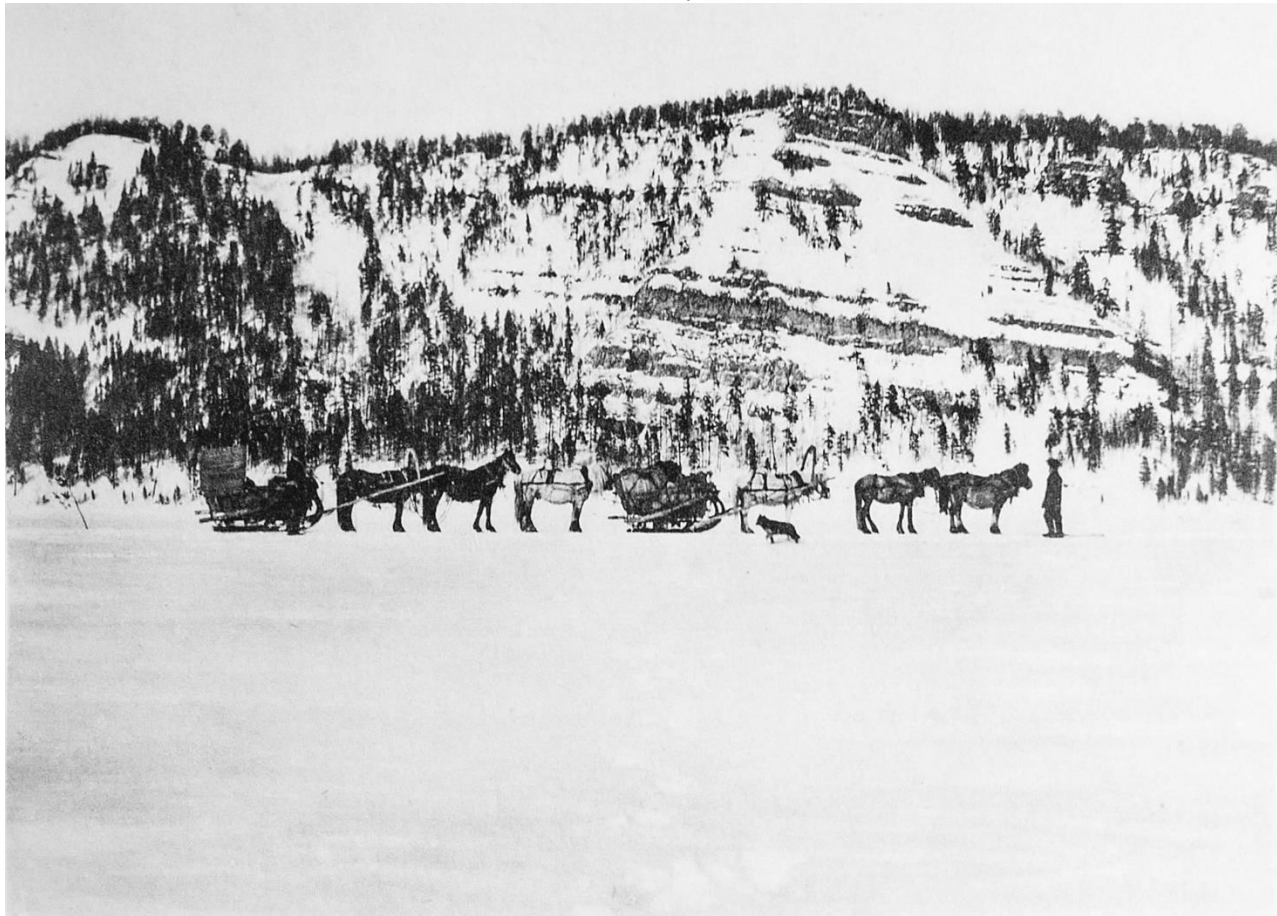
3-го марта наша партия и Е.Ф. Скворцов из западной партии выехали через Москву в Иркутск. Вместе с нами ехал штабс-капитан Г.Я. Седов, командированный Главным Гидрографическим Управлением для исследования устья р. Колымы. К.А. Воллосович мог выехать с Н.А. Июдиным только 7-го марта. В ожидании их, Э.Ф. Вебер и Е.Ф. Скворцов должны были успеть произвести астрономические наблюдения в Иркутске, откуда далее нам приходилось ехать на лошадях.

В Москве, при пересадке в сибирский поезд, нам пришлось выдерживать целую бурю из-за хронометрических ящиков, которые помощник начальника станции непременно хотел убрать из нашего купе в багаж, сколько мы ни объясняли ему, что это совершенно невозможно. Только мой категорический отказ подчиниться этим требованиям и предложение употребить против нас силу заставили махнуть на нас рукою.

11-го марта мы прибыли в Иркутск. Погода стояла благоприятная, и наши астрономы с той же ночи могли начать свои работы.

В Иркутске, по телеграмме моего родственника С.Н. Родионова, были заготовлены для экспедиции тёплые одеяла, съестные припасы и большие кошевы. Мы рассчитывали ехать по двое в одной кошеве, а одну кошеву на двух иметь под довольно объёмистым багажом. Дорога до первой станции по Якутскому тракту уже испортилась настолько, что я был вынужден все наши зимние экипажи отправить на первую станцию почти пустыми, а сами мы переехали на колёсных экипажах.

14-го марта приехали К.А. Воллосович и Н.А. Июдин. За это время астрономы настолько подвинули свои работы, что выезд экспедиции мог быть назначен на завтра. Раньше всего, 15-го, двинулся К.А. Волло

1. Передвижение по Лене. Фото Седова.

2. Станция Теён-Аринская на Лене. Фото Седова.

1. Астрономические наблюдения в г. Киренске. Фото Седова.

*2. Станционное помещение по Верхоянскому тракту.
Фото Седова*

Н.А. Июдиным, потом Г.Я. Седов с своим помощником боцманматом Жуковым и, наконец, вечером Э.Ф. Вебер и Е.Ф. Скворцов. Я с М.Я. Кожевниковым, покончив все дела, выехал 16-го к вечеру. После некоторых неполадок с лошадьми на первых станциях, вскоре всё наладилось и, начиная с третьей станции от Иркутска, мы поехали прекрасно. Пользуясь земскими лошадьми, мы с М.Я. Кожевниковым догнали и перегнали почту, вышедшую из Иркутска также 16-го, и теперь беспрепятственно двигались вперёд. Плохая дорога осталась у Иркутска, а здесь на приближение весны указывала только местами грязь у подъездов станций, да яркое и тёплое полуденное солнце, хотя утренники после ясных ночей всё ещё доходили до сорока градусов! Содержатели станций получили всюду циркулярные предписания из Иркутска о нашем проезде. Лошади были везде готовы, запрягали их быстро, так что местами мы едва успевали напиться чаю. Не было никаких придирок и споров, по этому тракту обычно весьма нередких. Задерживали нас местами лишь наледи, да свежавыпадавший снег, по которому иногда приходилось тащиться чуть не шагом. О Ленском тракте некоторое представление дают рисунки на таблице 2. В Киренске 23 марта мы с М.Я. Кожевниковым догнали и перегнали наших астрономов и Г.Я. Седова с его помощником, которых, вообще, несколько задерживала ежедневная заводка хронометров. Кроме того, наши астрономы в Киренске должны были наблюдать (таблица 3, рис. 1).

Мы все приехали в Якутск 31 марта. К.А. Воллосович и Н.А. Июдин были здесь уже 30-го. Наши астрономы и Г.Я. Седов со своим помощником приехали 2-го апреля. В Якутске нам опять пришлось прожить несколько дней, как для производства астрономических наблюдений, в этом последнем на нашем пути пункте, географическое положение которого определено по телеграфу, так и для окончательного снаряжения экспедиции. Много пришлось похлопотать о закупке разных припасов и товаров, об упаковке, укладке и отправке всего багажа экспедиции. Время было мало благоприятное, так как в Якутск мы приехали как раз на Пасхе. Однако, благодаря содействию местной администрации, а равно и тех частных лиц, с которыми приходилось сталкиваться, нам это помешало мало. Торговый дом «Коковин и Басов», например, в два дня приготовил нам большую партию товаров, доставив их в готовой к

перевозу форме — упакованными в ящики. Количество закупок пришлось неожиданно сильно увеличить, так как никто в Якутске не мог мне гарантировать, что я получу в Средне-Колымске все заказанные мною там из Петербурга товары. Новые запасы товаров должны были, по всем предположениям, уже прийти туда, но пришли ли фактически — было неизвестно. Рисковать остаться совсем без товаров я не мог, так как к чукчам с одними деньгами ехать нельзя. Пришлось поэтому взять отсюда три места чаю и пуд черкасского табаку, что вместе с другими закусками увеличило наш багаж в Якутске на шесть нарт, да столько же нарт мы, примерно, привезли из Иркутска. К этому необходимо прибавить три наших нарты, две нарты казаков и нарты трёх ямщиков, так что всего наша экспедиция задолжала более двадцати нарт. В общем же вся экспедиция (считая и партию К.А. Воллосовича) вместе с Г.Я. Седовым занимала до сорока нарт, по крайней мере, на пути до Верхоянска, откуда партия К.А. Воллосовича должна была двинуться прямо на север — на Казачье. Мы хорошо понимали трудность передвижения такой массы подвод, но, в виду уверений, сделанных нам в Петербурге, мы надеялись, что и впереди сделано всё возможное, тем более, что аналогичные распоряжения были сделаны по тракту от Иркутска. Представители Якутской администрации не раз заверяли нас во время нашего житья в Якутске, что для нас имеется впереди по тракту достаточно специально заготовленных лошадей и оленей. С другой стороны, приехавшие с севера сообщали, что проезд до Верхоянска очень затруднён, так как по дороге местами мало снега, и что олени по тракту совершенно измучены, благодаря большому разгону. В последнем винили, между прочим, отряд солдат в 20 человек с офицером, отправленный на Булун (и уже возвратившийся к Пасхе в Якутск), навстречу шайке туруханских ссыльных, бежавших в конце 1908 года из Туруханского края через Дудинку в тундры к востоку от Енисея и настигнутых позднее в с. Хатангском, на случай, если бы они пробрались до Лены. Самая возможность передвижения такого отряда до Булуна и обратно показывала нам, что и экспедиция, раз об её проезде подумано, препятствий к своему проезду не встретит.

2-го апреля из Якутска отправили в Верхоянск партию политических ссыльных в 4 человека с тремя казаками. Узнал я об этом *post factum* и

очень встревожился, так как считал опасным движение 10 нарт по одному направлению с экспедицией. Несмотря на новые уверения, что для нас заготовлены специально лошади и олени, и что «политики» нам помешать не могут, я тем не менее попросил задержать отправку второй партии, предполагаемую на 4 апреля, предложив попросить телеграммой разрешения Иркутского Генерал-Губернатора на такую задержку. Это, однако, оказалось вполне в компетенции местных властей. Точно также я просил задержать дня на два отправку почты (6 нарт), которая должна была уйти 5-го апреля. Почта ходит из Якутска два раза в месяц и опоздания на два-три дня случаются и без особых причин. Почту, однако, отправили в назначенное время, дав опять уверение, что она нас не задержит и даже будет полезна, так как почтальон, двигаясь впереди последних отрядов экспедиции, будет распоряжаться окончательною подготовкою для экспедиции лошадей и оленей. Кроме того, мне было предоставлено право, в случае, если я увижу, что почта мешает нашему движению, задержать её и перегнать, о чём почтальону также, будто бы, было дано особое распоряжение.

Чтобы не мешать в движении по тракту друг другу, мы решили разбиться на партии. Строго говоря, первой следовало бы двинуться нашей партии, как имеющей наиболее дальнюю дорогу, но, в виду позднего времени, я, неся общую ответственность за организацию экспедиции, не считал возможным проехать через Верхоянск, имея сзади себя западный отряд. Поэтому К.А. Воллосович двинулся первым 4 апреля утром, как только Е.Ф. Скворцов в ночь накануне покончил с своими работами. Проводами К.А. Воллосовича и его спутников я покончил свои обязательства по отношению к западной партии экспедиции, и теперь все свои силы мог приложить исключительно к работам восточного отряда.

Мы трое выехали в ночь на 6-ое апреля (в третьем часу утра) в сопровождении якутского казака (переводчика) Даурова. Г.Я. Седов со своим спутником Жуковым и казаком Дьячковым должны были выехать 7-го утром. Таким образом, между всеми тремя отрядами были интервалы около полутора суток, и я надеялся, что нам удастся проехать без особых трудностей, не мешая друг другу. На первой же, однако, от Якутска станции мы не нашли ни лошадей, ни кого-либо из представителей станционной власти. За старостой пришлось послать нашего казака версты за четыре, лошадей кое-как собрали поблизости. Староста прежде всего

пожаловался нам на другого нашего казака Асламова, которого я отправил одновременно с К.А. Воллосовичем вперёд с грузами, и который, как оказалось, уже на этой станции отстал от К.А. Воллосовича и двинулся дальше, только, подобно нам, собрав сам лошадей после долгих споров и ссор с якутами. То же самое приходилось делать и нам, как здесь, так и дальше, добывая лошадей, тратя массу времени, пока, наконец, на пятой от Якутска станции — Харагатергинской, мы не засели окончательно, проехав в полутора суток всего 120 вёрст, на что без этих задержек не потребовалось бы и одних суток. Здесь оказалось всего шесть лошадей, остальных же было необходимо опять собирать по округе. Так как инородцы ссылались на почту, я решил воспользоваться этими лошадьми, чтобы догнать и остановить почту, в возможности чего, в виду данных нам обещаний, я не сомневался ни мало. Я взял с собой казака, три нарты грузов и с одним ямщиком на шести нартах немедленно двинулся вперёд. Обстоятельства сложились так, что со своими товарищами я увиделся вновь только через два месяца. Позднее я узнал, что М.Я. Кожевников, проводив меня, послал в соседнюю Борогонскую управу за лошадьми, вручив при этом посланному открытое предписание об оказании нам всюду содействия для предъявления находившегося в это время в управе заседателю. Заседатель на это ответил, что он ничего не знает об экспедиции и никаких предписаний от своего начальства не получал.

Тем временем мы с казаком двигались дальше, пользуясь почти исключительно вольнонаёмными лошадьми, так как почтовых не было даже для наших шести нарт. Лошади были страшно измучены, и мы редко ехали иначе, как шагом. Вечером 9-го апреля мы добрались до станции Сеген-Кельской, откуда ездят уже на оленях, употребив на переезд 325 вёрст от Якутска почти четверо суток. Здесь я, наконец, догнал почту и другого нашего казака Асламова с шестью нартами грузов, сидевших в ожидании оленей, ушедших с К.А. Воллосовичем. Я тотчас же попросил почтальона пропустить экспедицию, как только придут олени, но получил категорический отказ. Почтальон заявил мне, что его частным образом действительно просили уступить нам дорогу, но разговор об этом прекратился, когда он попросил формальное предписание, в силу которого мог бы задержать почту. Поэтому он считал для себя слишком рискованным исполнить мою просьбу, с чем я не мог не

согласиться. Все мои уговоры ни к чему не повели, и почтальон даже выражал неудовольствие, что, благодаря экспедиции, он вынужден сидеть на станции без лошадей и т.п.

К ночи, когда олени пришли, мы двинулись вместе с почтой, оставив по необходимости наши грузы с Асламовым на той же станции. Я рассчитывал впереди на содействие почтальона, как человека всё-таки официального, от которого имел право такого содействия ожидать, а также как хорошо знакомого с местными условиями, но встретил скорее противодействие. На одном перегоне я обогнал почту и, приехав на станцию, хотел ехать тотчас дальше, так как олени были, но содержатель станции сказал, что нет лямок, что их привезут и т.п. Часа через три пришла почта, моментально лямки нашлись, и олени, на которых я рассчитывал, увезли её дальше. К счастью, на станции оказались встречные ямщики, не успевшие ещё вернуться обратно, которых я и заставил вести себя, догнав снова почту к явному неудовольствию почтальона.

Перед Диринг-Оломской станцией (за два перегона до Верхоянска), где мне пришлось просидеть более двух суток, и откуда почта ушла вперёд одна, почтальон решил отделаться от меня в очень грубой форме. Мы остановились на ночлег в поварне, чтобы дать вздохнуть оленям. Здесь же ночевал едущий навстречу содержатель одной из станций с ямщиком. Оленей, как водится, отпустили. На утро рано трое ямщиков и почтальон двинулись за оленями в лес и вскоре вернулись без моего ямщика, приведя оленей только под почту и ни одного для меня. Собрать одному человеку оленей почти невозможно, и я попросил почтальона послать своего ямщика на помощь моему, однако встретил отказ. Тогда я сам сказал его ямщику, как мог по-якутски, чтобы он шёл в лес. В ответ на это почтальон закричал на него, приказывая остаться. Не зная, кого слушаться, ямщик стоял в нерешимости. Видя, что так далее продолжаться не может, я подошёл к ямщику, схватил его за воротник, и, со словами «бар тургеник» (пошёл скорее), толкнул к лесу. Ямщик кинулся бегом, а опешивший почтальон, понявший, видимо, что он зашёл слишком далеко, сразу стих, быстро запряг оленей и уехал один, загнав, как я потом узнал, двух оленей. Моих оленей собрали теперь очень быстро и также быстро запрягли. Перепуганный почтовый ямщик помчался догонять почту, а мой казак посмотрел вслед и меланхолически сказал: «ну, трусил, теперь он (почтальон) ему всю морду разобьёт, а то

и застрелит». По пути почты на станциях шло пьянство, и так как я, естественно, не скрывал своего неудовольствия по этому поводу, то почтальону и хотелось отделаться от меня во что бы то ни стало — единственное объяснение, которое я могу дать всей этой странной истории.

На каждой станции мне приходилось много хлопотать как о своём проезде, так и об оставшихся сзади товарищах. Поддержки со стороны почтальона мне не было и здесь, наоборот, он немедленно начинал доказывать, что станционные олени и лошади существуют для почты, а не для экспедиций, для которых заготавливаются улусные подводы, и что я не могу претендовать на содержателей станций. Когда я спрашивал, почему нет подвод, якуты говорили, что они ничего не знали о нашем проезде, и что тогда, когда собирались отправить солдат на Булун, ездил для заготовок подвод специальный нарочный, теперь же такого не посылалось, нарочный же, проехавший в марте с нашими депешами в Средне-Колымск, никаких распоряжений по дороге не оставил. Из всего этого делался, видимо, вывод, что экспедиция, в сравнении с таким предприятием, как посылка отряда солдат — дело пустое, относительно которого никто не считал нужным позаботиться. Нас даже прямо не считали за правительственных чиновников, как откровенно и высказали нам, когда я с М.Я. Кожевниковым тем же трактом ехал обратно в 1910 году, не узнавая прежних нахальных якутов в предупредительных, услужливых содержателях станций. Теперь по всему тракту о проезде экспедиции из Колымска было разослано циркулярное предписание якутского губернатора, и всё шло совершенно иначе.

На половине пути к Верхоянску, у границы Верхоянского округа, мы встретили тунгусов, уступивших нам оленей. К сожалению, помощь эта была на один перегон, а в готовности помочь нам были скрыты и своекорыстные элементы. Они везли казённую кладь и видели, что им не доставить её по зимнему пути. Отдав же оленей нам, они получали возможность сослаться на экспедицию, как на причину всей задержки.

На самой границе Верхоянского округа стоит столб, на котором прикреплена доска с соответствующей надписью (на таблице 4, рис. 1, изображена часть каравана М.Я. Кожевникова около этого пограничного знака). На таблице 3, рис. 2, имеется снимок станционного дома, точнее балагана, где останавливаются проезжающие в ожидании лошадей или

*1. По Верхоянскому тракту. У границы округа.
Фото Кожевникова.*

*2. Казак экспедиции Дауров.
Фото Седова.*

*1. По Колымскому тракту. На лошадях верхом и с вьюками.
Фото Седова.*

*2. По Колымскому тракту. На оленях.
Фото Седова.*

олений, дающий представление о стационарных помещениях как по Верхоянскому, так и Колымскому трактам.

Дело шло всё хуже и хуже. Началась распутица. Иностранцы, под всякими предлогами, начали уклоняться от езды днём, и наше передвижение становилось всё медленнее и медленнее. 15-го апреля я прибыл утром на станцию Дирин-Оломскую в 120 верстах от Верхоянска и нашёл здесь засевшую партию политических ссыльных, отправленную из Якутска 2-го апреля. Оказалось, что и К.А. Воллосович просидел здесь целые сутки. Почтальон заставил своего ямщика везти почту дальше, взяв у моего несколько штук более сохранивших силы оленей; на которых я всё равно не мог никуда дальше двинуться. С почтой я отправил в Верхоянск письмо к исправнику, которым просил о содействии или помощи экспедиции. Положение же наше здесь было прямо отчаянное, благодаря удивительным порядкам на тракте. Дело в том, что контракты с почтосодержателями заключаются так, что с Георгиева дня, т.е. 23-го апреля, содержатели станций заменяют оленей лошадьми, Срок этот, однако, сильно передвигается в ту или другую сторону, в зависимости от времени наступления весны. В этом году весна ударила очень рано, и оленей со станции угнали чуть ли не накануне нашего приезда, лошадей же содержатель станции считал себя вправе не приводить, согласно контракту, до 23-го апреля. Таким образом, здесь нам угрожала задержка недели на полторы. Потеряв день на тщетные поиски оленей и лошадей поблизости станции, я, воспользовавшись одною оказавшеюся здесь лошадью, отправил на другой день своего казака на поиски по округе, дав ему официально написанную бумагу на случай случайной и редкой встречи с каким-нибудь грамотеем. Главную символическую суть этой бумаги представляла моя сургучная печать с припечатанным к ней пёрышком — эмблема срочности и вообще серьёзности бумаги, применяемая на всём севере Сибири официальными лицами, хорошо известная иностранцам. Казак вскоре встретил какого-то старшину, который и взялся увезти нас частью на вьючных лошадях, частью запрягая их в нарты. Старшина, хотя лицо более или менее официальное, тем не менее сразу повысил плату за свои услуги, потребовав, чтобы я уплатил как за лошадей, на которых едут проводники, так и са-

мим проводникам по 3 копейки с версты. За казака же я уже давно платил полностью прогоны, хотя командированных по службе казаков обязаны возить бесплатно.

Все наши грузы пришлось приспособить спешно на вьюки. Неезженные большею частью с зимы лошади были полудикими, и одну из них пришлось свалить арканами, связать и в таком виде нагрузить на неё более восьми пудов таких грузов, как патроны, берданки и т.п. Когда путы сняли, конь вскочил как бешеный, но быстро присмирел под необычной тяжестью. Между прочим, несмотря на свою малорослость и видимую слабосильность, этот конь прошёл с тем же вьюком бессменно до самого Верхоянска. Особенно много хлопот доставляла моя кошёвка, которую я не хотел бросать, рассчитывая впереди иметь ещё санную дорогу. Здешние лошади запрягаются очень редко, да и то таким образом, что лямки от саней перекидываются через седло. Поэтому почти всякая лошадь начинала дурить, почувствовав за собою громающую на раскатах кошёвку, от которой шарахались и вьючные лошади.

При этих условиях 17-го апреля после полудня мы двинулись, наконец, с Дирин-Оломской станции.

Я не надеялся на помощь из Верхоянска и старался обеспечить проезд для М.Я. Кожевникова и Э.Ф. Вебера. Поэтому я опять отправил казака в сопровождении якута с тем же предписанием по улусам собирать лошадей. Бесцеремонность якутов дошла до того, что старшина рискнул потребовать, чтобы я поехал чуть-ли не представляться какому-то из старост, живущему верстах в 20 от тракта, который притом мог быть и не дома. Только решительный отпор с моей стороны заставил якутов держаться поскромнее. Благодаря этим хлопотам, мне и казаку удалось найти для проезда наших нескольких лошадей, но уже по двойным ценам, платя к тому же за лошадь проводника и ему самому также по 6 копеек с версты. При этом нанимавшиеся якуты мотивировали двойные цены тем, что по три копейки с версты они должны заплатить владельцам лошадей, а другие три копейки получить себе в качестве гонорара. Это показало мне, что население за обычную прогонную плату охотно даёт лошадей даже без воздействия администрации, и что проезд экспедиции легко мог бы быть, при известной заботливости об этом, хорошо подготовлен без всякого ущерба для жителей, причём посредником явилась бы администрация, как теперь случайно попадавшиеся

якуты, которых соблазняла при этом возможность хорошо и легко зарабатывать. В качестве приманки, я пустил также и имевшиеся у меня берданки, которые очень ценятся местным населением, но администрацией почему-то пускаются в обращение далеко в несоответствующем потребностям населения количестве.

В ночь с 18-го на 19 го апреля я приехал в Верхоянск, употребив на переезд от Якутска в 870 вёрст ровно 13 суток. Письмо моё, отправленное с почтой в Верхоянск, не застало там исправника, уехавшего на север для заготовки оленей, людей и припасов для партии К.А. Воллосовича, но его помощник Ф.М. Соловьёв сделал уже все нужные распоряжения как по тракту навстречу моим товарищам, так и по Колымскому тракту. В Верхоянске были собраны лошади от жителей Верхоянской управы, а в лежащую на нашем дальнейшем пути к Колыме Абыйскую управу был послан расторопный нарочный. Редкое население Верхоянского и Колымского округов живёт весьма разбросанно и даже по линии тракта нет сколько-нибудь крупных посёлков, кроме, разве, Абыйской управы (805 вёрст от Верхоянска). Чтобы собрать лошадей вдоль тракта, необходимо оповестить жителей на несколько десятков вёрст от него в обе стороны, причём это оповещение должно исходить из управ соответствующих районов, в данном случае Верхоянской и Абыйской. Так как ездовых лошадей у одного хозяина бывает редко более четырёх-пяти штук, а обыкновенно ещё меньше, то их собирают по одной, по две штуки и выгоняют на тракт в условленные места. Для этих операций приходится проезжать многие сотни вёрст, устраивать сходы, обсуждать на них все детали, считаться с уклонением от исполнения этой повинности и т.п. Понятно, что все такие распоряжения должны делаться заблаговременно. Поэтому я не очень рассчитывал, что даже расторопный нарочный, уехавший дня за два до моего приезда, успеет много сделать, и решил подождать в Верхоянске своих спутников, тем более, что были и дела здесь. Прежде всего было необходимо окончательно настроить весь свой багаж на вьюки, а также подготовить вьючный материал и для идущего сзади каравана, для чего я скупил в Верхоянске все ремни, верёвки и все бывшие налицо вьючные ящики. Последние — чисто якутский фабрикат — делаются в виде высоких, но узких сундуков, обтянутых конскою, ценящейся здесь очень дёшево, кожей, и, действительно, очень удобны для вьюков и сравнительно недороги.

Необходимо было также запастись провизии на дорогу, так как, если по тракту и возможно иногда найти рыбу и мясо, а молочные продукты имеются почти всюду, то хлеб и мука отсутствуют почти совершенно.

В ночь на 20-ое апреля неожиданно для меня приехал Г.Я. Седов с одним ямщиком без переводчика, налегке — всего на трёх нартах, оставив весь свой караван на попечение своего помощника и казака и захватив с собою только инструменты. С самого Якутска Г.Я. Седов, выехавший позднее нас на полтора суток, встречал те же задержки и препятствия, что и мы, и, подобно нам, должен был пробиваться вперёд всеми правдами и неправдами. Его приезд изменил мои планы, и мы решили с ним двинуться, не ожидая наших, вперёд 21-го апреля, захватив с собою имеющиеся грузы, что составляло караван в 10 лошадей, считая двух ямщиков. Накануне нашего с ним отъезда 20-го апреля к вечеру прибыла партия политических, с которой последовательно сидели на станции Дирин-Оломской К.А. Воллосович, я и после меня М.Я. Кожевников. Партия эта, когда я сидел с ней на станции, видя бедственное положение экспедиции, обещала мне, по личному почину, пропустить М.Я. Кожевникова, когда придут лошади, и ждать следующей очереди, при условии, что он снабдит их съестными припасами, так как почти всё у них и у конвоя было уже съедено. Я тогда же написал М.Я. Кожевникову, и он это условие выполнил. Тем не менее у него с партией вышло какое-то недоразумение, подробности чего я узнал лишь много позднее, в которое ввязались и казаки, чуть-ли и не явившиеся зачинщиками всей истории, так что дело не кончилось крупным скандалом лишь благодаря тому, что М.Я. Кожевников пошёл на уступки, т.е. отдал партии лошадей. Для якутского казака слова: офицер, мундир, дисциплина и т.п. — мёртвый звук, а казаки к тому же каким-то образом напились и лезли с объяснениями в более чем нахальной форме. Насколько вообще трудно было ладить с этим народом, видно из того, что экспедиционного казака Асламова М.Я. Кожевников должен был оставить на Дирин-Оломской станции, так как не мог его добудиться — до такой степени тот успел неизвестно откуда напиться пьяным. Вместо него, в Верхоянске М.Я. Кожевников взял одного из казаков, сопровождавших партию политических, но державшегося в стороне во время упомянутого выше инцидента, и был им очень доволен. Казак Дауров, ехавший со мною (таблица 4, рис. 2), уже вследствие своего преклонного возраста с трудом годился для

такой поездки как наша, так что, несмотря на наше желание иметь хороших казаков и просьбу в Якутске назначить таких, этого сделано не было, и лишь случайно они попадали к нам. 21-го апреля в день нашего отъезда пришёл караван Г.Я. Седова. Мои же товарищи прибыли лишь после нашего отъезда — 23-го апреля. Оба эти каравана, а также и партия политических пришли в Верхоянск если и не зараз, то так близко друг от друга, что все они пользовались различными лошадьми, собранными в сравнительно короткое время, частью распоряжениями, сделанными в силу моего письма, а, главным образом, благодаря нашим собственным хлопотам, так что обеспечить нам здесь свободный проезд даже и в это время года при известной заботливости не представлялось особенно затруднительным.

По соглашению с Г.Я. Седовым, мы дальнейшее движение экспедиции решили продолжать тремя эшелонами. Прежде всего двинулись мы вдвоём с казаком и грузами, всего на 10 лошадях. Помощник Г.Я. Седова — Жуков — должен был дождаться в Верхоянске М.Я. Кожевникова и выступить вместе с ним, раз позволит количество наличных лошадей. Там, где лошадей для всего каравана не хватит, Жукову предписывалось пропустить М.Я. Кожевникова вперёд и двигаться во главе третьего — последнего — эшелона, причём на него возлагалась забота о вещах, оставляемых М.Я. Кожевниковым по дороге, которые Жуков, по возможности, должен был захватить и вывезти с собою. Дело в том, что, считаясь с возможностью такого положения вещей, что перевозочных средств для каравана М.Я. Кожевникова совершенно не хватит, я письмом просил его оставлять по пути те грузы, без которых мы могли бы позднее, хотя и ценою известных лишений, обойтись при наших работах.

Я предполагал также, что и мои товарищи там, где на весь караван лошадей не хватит, будут разделяться на две партии, что может быть сделало бы экспедицию подвижнее. М.Я. Кожевников предпочёл, однако, всё время идти одним караваном.

Переход с оленей на верховых лошадей уже сильно уменьшил скорость движения. При езде верхом неизбежны остановки, хотя бы для короткого ночлега, и ехать приходится с вьюками только шагом, т.е. не скорее 5-6 вёрст в час. Кроме того, вьючка лошадей здесь, в общем, очень плохо обученных и нередко прямо полудиких, всегда берёт много

времени. Таким образом, переход вёрст в 70 в сутки является, при передвижении на лошадях с вьюками, чуть ли не крайним пределом, а от Верхоянска до Средне-Колымска считается 1.415 вёрст. Между тем, дорога ещё всё-таки была хорошая, так как теплота дня не могла справиться пока с морозами ночей и особенно утренников, почва ещё была мёрзлая, и мы могли спокойно ехать по замёрзшим болотам, через громадные озёра и многочисленные реки. Через несколько недель всё это должно было измениться, и езда начаться по болотам, в обход озёр, в брод через реки, где это возможно, на плотах и лодках, где реки крупнее и глубже. При стечении особо неблагоприятных обстоятельств всё это вместе могло повести к тому, что экспедиция промучится на переходе до Средне-Колымска целое лето и придёт на место работ тогда, когда их и начинать уже будет нельзя. М.Я. Кожевников, как и я, вполне понимавший положение вещей, пришёл в Верхоянск совершенно больным и должен был обратиться к врачу. Вообще энергия моих товарищей заметно пострадала от неприятностей этого перехода и, начиная работу позднее, они не имели уже той бодрости и уверенности в себе и в удаче, с которыми все мы двинулись в путь из Петербурга.

Выступив с Г.Я. Седовым верхами (таблица 5, рис. 1), мы захватили, всё-таки, одну кошёвку, так как, по слухам, верстах в 400 от Верхоянска стояла ещё хорошая санная дорога, да, кроме того, и это было самой главной причиной, мы хотели перенести хронометры Г.Я. Седова на вьюки лишь в самом крайнем случае. Чтобы не задержать караван М.Я. Кожевникова, мы с Г.Я. Седовым решили как можно скорее пройти первые станции от Верхоянска с тем расчетом, чтобы М.Я. Кожевников, придя в Верхоянск, мог воспользоваться и нашими возвратными лошадьми, раз запасённых для него не хватит. В виду этого мы решили двигаться, не делая иных остановок, кроме необходимых для перемены лошадей или для их отдыха, во время долгих переходов, до тех пор, пока нам не придётся где-нибудь дожидаться лошадей, или крайняя усталость не свалит с ног. Таким образом, мы сделали 275 вёрст, дойдя до ст. Тостахской 24-го апреля к вечеру, т.е. через трое суток из Верхоянска. На двух станциях, которые мы миновали, лошади были для нас заготовлены, и мы задерживались здесь только чтобы напиться чаю и подкрепиться для дальнейшего пути, хотя остановки все-таки выходили по несколько часов.

В нескольких десятках вёрст перед Тостахской станцией мы встретили десятка полтора лошадей, пасшихся у зимовья, где ночевали якуты, с т.н. «кандидатом» во главе. Это были предназначенные для нас лошади, собранные по улусам и шедшие на ст. Тостахскую, которых мы, таким образом, догнали. Далее впереди нам путь являлся уже неподготовленным, по крайней мере, до района Абыйской управы, откуда, по распоряжению, посланному с нарочным, как из центра, должны были двинуться собранные лошади, с одной стороны, навстречу нам, с другой — к границе Колымского округа. Мы обогнали эту подставу, рассчитывая, что с Тостахской станции, быть может, удастся уехать на почтовых лошадях, но их не оказалось.

Трёхсуточный переход, во время которого нам удавалось вздремнуть полчаса, много час, во время остановок и перемены лошадей, давал себя знать. Особой усталости мы, правда, не чувствовали, но в седле приходилось уже бороться со сном и довольно безуспешно. Сами собой закрывающиеся глаза рисовали странные картины, переходящие в настоящие сны. Только резкий толчок при потере равновесия приводил в сознание. Особенно жаль было нашего старика-казака, который от усталости, бессонницы и своих годов стал уже почти совсем невменяемым. Теперь мы хорошо отдохнули на Тостахсксй станции в ожидании лошадей, и на завтра двинулись дальше. Здесь пришлось бросить нашу кошёвку, которую мы с большим трудом и хлопотами дотащили досюда, так как дальше, как оказалось, для неё совсем уже не было дороги. Ящик с хронометрами мы теперь также поставили на седло, выбрав самую смирную лошадь и поручив её отдельному ямщику. За этой станцией, по речке Тостах по льду пошла вода, было не глубоко, но очень скользко, и мы поплатились на переходе через неё подмоченным вьюком, между прочим, 12 дюжинами попорченных фотографических пластинок. За р. Тостахом дорога идёт вверх по долине р. Догдо, где нам долгое время пришлось идти через «тарын», т.е. опять-таки вода же на льду, но появляющаяся не вследствие весеннего времени, а просто в силу известных условий течения реки всё время, пока на последней есть лёд. Благодаря относительно теплу, вода, смешанная со снегом и ледяными кристаллами, покрывала всю реку и мы брели по этой каше целыми вёрстами. Иногда такие места задёргивались сверху ледяною корою, что было, однако, хуже, так как такая корка легко и неожиданно проламывалась, и

мы рисковали попасть или на большую, относительно, глубину, или на слишком скользкий лёд. Ночью, когда «тары́н» покрывается сплошной и сравнительно крепкой ледяной коркой, мы совершенно не могли по нему двигаться и должны были останавливаться на ночлег. На берегах ущелья, через которое протекает р. Догдо, лежал ещё сплошной снег, и нам, обходя глубокие «тарыны́», приходилось пробираться в нём по ко-согору, местами среди густого леса. Все эти обстоятельства сильно замедляли наше и без того уже медленное движение, к чему присоединилось и то обстоятельство, что те же лошади, по крайней мере частью, должны были служить нам и на следующем перегоне, и нам приходилось их поберегать, равно как мы не могли заставить одних и тех же ямщиков ехать без отдыха, как могли делать сами, пользуясь сменяющимися людьми. К тому же не было надобности особенно и торопиться, так как мы уже не могли мешать М.Я. Кожевникову своим движением.

На следующую станцию Усун-Кытыльскую, лежащую в 100 верстах от ст. Тостахской, мы пришли к ночи 27-го апреля, т.е. употребив на этот переход почти 2½ суток. Между тем тёплая, можно сказать, весенняя погода начала меняться. 25-го апреля мы видели первых комаров, «снежных», как их называли якуты, а к вечеру пошёл дождь. Однако, на завтра начавшийся к вечеру дождь сменился мокрым снегом, который шёл и весь следующий день; температура заметно понизилась, что нас несказанно обрадовало, так как указывало на задержку весны, а следовательно и остановку дальнейшей порчи пути.

На станцию Джабжагинскую мы прошли ещё верхами на тех же лошадях, причём на перевале в систему Индигирки (в верховья её притока — Селегняха) местами едва пробились через глубокий снег. Часть грузов на этом переходе мы могли уже отправить на оленях, оказавшихся на станции. Зато на станции Джабжагинской мы не нашли ни лошадей, ни оленей. Узнав, что верстах в 10 от станции стоит ещё тунгус-оленьевод, я послал за ним и уговорил свезти нас до следующей станции — Кюреляхской. На станции не оказалось, однако, нужного количества нарт. Пришлось спешно починить несколько разломанных нарт, а часть уступили подрядчики, встретившиеся нам здесь, которые только-что отвезли в Абыйскую управу казённую кладь и теперь ехали обратно в Верхоянск. Уступили лишь после долгих разговоров и то, по-видимому,

потому, что видели, что при нашем положении мы не остановимся и перед простым захватом нужных нам нарт, хотя бы силою. Поездка снова на оленях была для нас праздником, хотя нам и пришлось теперь ехать на простых открытых нартах (таблица 5, рис. 2). Мы радовались, что едем со скоростью вёрст восемь в час, сидя на нарте, где можно и прилечь и даже поспать без опасности свалиться. Впереди нас сильно пугали р. Селегняхом с непрочным уже льдом, но мы благополучно проехали его на этом перегоне, раз, правда, провалившись, но совсем неглубоко. На следующей, Кюреляхской станции мы встретили нарочного, ездившего по моему письму в Абыйскую управу для подготовки нашего проезда, который подал нам большие надежды на будущее, так как, по его словам, теперь нам усердно готовили лошадей. Бедняк был болен, так как накануне провалился сквозь лёд в Селегнях, который приходится переезжать и на этом перегоне, и сильно вымок. Встреченная нами далее почта (Колымская) также выкупалась на том же переходе, и то же самое неизбежно, казалось, предстояло и нам, но мы с Г.Я. Седовым дождались ночи, когда мороз дошёл до -15°C , и перешли Селегнях в опасном месте по льду, лишь на несколько десятков сажен уклонившись от обычной дороги. Если бы не состояние рек, то трудно было бы думать, что апрель кончается, и идут уже первые числа мая. Дорога была ещё зимняя, и даже среди ясного дня температура стояла ниже нуля. К сожалению, олени были и здесь отчаянно плохи после работы целой зимы, тем более, что мы должны были пользоваться, кроме таких случайностей, как на Джабжагинской станции, станционными оленями. Никаких заготовок здесь сделано также не было, а распоряжение, привезённое с нарочным в Абыйскую управу, также ещё не было исполнено. К счастью, дорога была сравнительно очень легка, так как шла по равнине с массой озёр, где даже усталые олени тянули очень хорошо и, в среднем, мы ехали чуть ли не вдвое скорее, чем могли бы ехать на лошадях.

Рано утром 4-го мая мы приехали в Абыйскую управу. Удивляясь, что никаких приготовлений по тракту для нас не сделано, несмотря на посланного нарочного, мы поехали с объяснениями в самую управу, лежащую в нескольких верстах от станции. Здесь отговорились тем, что пока не успели, но что для проезда наших товарищей лошади (а уже не олени) будут собраны, что для меня было самое главное. Оказывается,

ТАБЛИЦА 6.

*1. По Колымскому тракту. Дорожная остановка.
(Седов, Толмачёв, якут-ямщик) Фото Седова.*

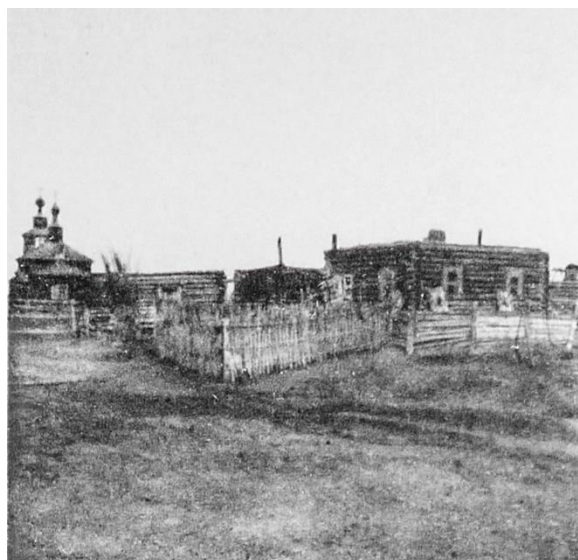

*2. Переправа через реку Алазею.
Фото Седова.*

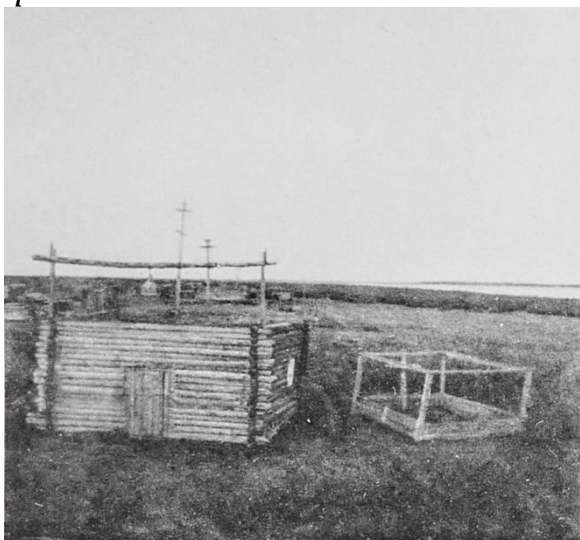
ТАБЛИЦА 7.

1. Отправление Седова и Толмачёва из Средне-Колымска. Фото Толмачёва

2. Квартира экспедиции в Нижне-Колымске. Фото Толмачёва

3. Могила Черского у молитвенного дома на ст.Колымской. Фото Толмачёва

4. Кекуры Большого Баранова мыса с запада. Фото Толмачёва

5. Сборы у маяка Лаптева. Фото Толмачёва

6. Большой Баранов мыс с запада. Фото Толмачёва

когда прошла молва (а не распоряжение) о нашей экспедиции, местные инородцы на сходе начали поговаривать о том, чтобы устроить нам забастовку, совершенно не давая лошадей и оленей, чего, впрочем, они решили не делать. Эта демонстрация предназначалась, однако, не для нас, а против Якутского областного управления и причиною имела неудовольствие населения из-за неполадок почтовой гоньбы. Дело в том, что правильное почтовое сообщение со Средне-Колымском установилось в самое последнее время. С местным населением было заключено условие возить почту за определённую плату, причём были указаны и приблизительные размеры почты, оказавшиеся значительно ниже действительных. Вот это-то увеличение размеров почты при раз установленной плате и является причиной неудовольствия местного населения на Якутское областное управление. Я отнёсся, однако, к сказанному не совсем серьёзно, считая всё это за простое бахвальство, за желание подчеркнуть нашу зависимость от услуг местных заправил и т.п. Позднее, уже в Средне-Колымске я навёл справки о личности говорившего мне это, и оказалось, что это был человек из числа пользующихся большим влиянием среди местного инородческого населения, и что его слова отнюдь не были пустою болтовнёй.

На завтра 3-го мая мы благополучно пересекли Индигирку, имевшую ещё совершенно зимний вид, хотя весна снова уже начала брать свои права, и дорога там, где она идёт не по озёрам, быстро портилась. Теперь мы уже ехали только шагом, увеличивая скорость лишь на спусках. Инородцы всеми силами старались не ехать днём. Каждые 20, а иногда и менее вёрст приходилось давать отдых оленям, а инородцы готовы были останавливаться через каждые два — три часа пути (таблица 6, рис. 1 — одна из таких остановок с неизбежным чаепитием). Большую часть этого пути я прошёл пешком, иногда умышленно уходя вперёд, чтобы сократить число остановок, так как догнать меня наш караван не мог и по необходимости должен был идти, пока я не остановлюсь его где-нибудь ждать. Через один перегон за Абыйской Управой нам пришлось по неволе три станции, т. е. двести вёрст, ехать на одних и тех же оленях, уставших уже на первом перегоне. Именно, 6-го мая ночью мы приехали на станцию Баралинскую, где не нашли ни души. Роковое «23 апреля» пришло здесь, и содержатель станции ещё до нас увёл оленей, а через несколько дней должен был привести лошадей. Мы напрасно прождали

его двое суток и двинулись далее на тех же совершенно уже измученных оленях. Так мы добрались до ст. Сыгынляхской, где неожиданно получили сравнительно свежих оленей, напомнивших нам несколько прежнюю езду. Так как всюду мы приезжали совершенно неожиданно, то с этой станции я послал вперёд нарочного, что очень помогло, и далее задержек мы в оленях и лошадях не встречали до самого Средне-Колымска. Колымский исправник В.Я. Душкин, в округе которого мы теперь ехали, получив известие об экспедиции, прежде всего позаботился о нашем проезде в пределах своего округа. Все жители были своевременно оповещены об экспедиции, и олени и лошади были заготовлены в нужном количестве. Благодаря этому, нарочный лишь мобилизовал наличные силы. Между тем, с 10-го мая началась настоящая «таль», т.е. снег начал таять во всей массе, превращаясь в кашу, так пропитанную водою, что в защиту от брызг из под копыт сзади идущих оленей приходилось надевать дождевики. До станции Ярморской, лежащей на реке Алазее, в 190 верстах от Средне-Колымска, мы доехали ещё частью на оленях, частью на лошадях, но отсюда должны были пользоваться уже исключительно вьючными и верховыми лошадьми. Снег сходил теперь с поразительной быстротой и сохранялся ещё на болотах и озёрах. На р. Алазее на льду стояла уже вода с очень слабым течением, глубиною всего несколько вершков, но лёд был настолько скользок, что перевести лошадей не было возможности, да и люди должны были переходить с крайней осторожностью. К счастью, станция лежит на самом берегу реки, и лошадей переводить через реку было незачем. Что же касается вещей, то их перевезли на санях вброд, так как переносить даже легкие вещи, в виду постоянной возможности поскользнуться, было нельзя (таблица 6, рис. 2). Речка лежала теперь глубоко между высокими берегами, но бывают вёсны, когда она выходит из берегов и, разливаясь на десятки вёрст, прекращает всякое сообщение.

14-го мая около пяти часов утра мы въехали в Средне-Колымск. Только у самого города мы должны были сделать крюк, объезжая небольшую речку, вообще же нам удалось ещё проехать зимним путём по льду многочисленных озёр, тогда как летняя дорога обходит их стороной. Доехав до Средне-Колымска в 37 суток от Якутска мы, по мнению колымчан, двигались ещё очень быстро, так как при таких условиях здесь едут нередко и более двух месяцев.

Я очень спешил, надеясь захватить Колыму ещё подо льдом и поскорее проехать в Нижне-Колымск для необходимых распоряжений. На Колыме лёд ещё стоял, но уже сдвинувшийся, а несколько часов после нашего приезда река у города совершенно очистилась ото льда, а на завтра начался настоящий ледоход. Приходилось волею-неволею более недели просидеть в Средне-Колымске, пока можно будет плыть, так как сообщения по берегу с Нижне-Колымском нет, и даже зимняя дорога большею частью идёт по льду.

Немедленно по приезде в город, по моей просьбе, была послана навстречу нашим из Колымска полудюжина лошадей, которые должны были дойти до первой станции и заменить там новую шестёрку станционных лошадей, которую следовало отправить на следующую станцию, и т.д. Колымская администрация вообще отнеслась к делу экспедиции с большим рвением. Если потом в снаряжении экспедиции были крупные недочёты, это не было виной администрации, а, главным образом, обуславливалось очень коротким временем, бывшим в её распоряжении, а также и поздним получением наших распоряжений, что особенно сказалось на снабжении экспедиции оленями. Недели за две до нашей телеграммы в Средне-Колымск приходили возчики казённых грузов, которые, как всегда, имели с собой большие табуны прекрасных ламутских, именно нам и нужных, оленей. Но телеграмма их не захватила и только с большим трудом, после больших разъездов, администрации удалось собрать немного более полутора ста оленей вместо двухсот, которых я заказывал приготовить на р. Колыме и на р. Чауне (по ста штук в обоих пунктах), всё время имея ввиду кроме этих экспедиционных оленей нанять ещё несколько сот штук. Из закупленных оленей 53 штуки были чукотские, т.е. для верховой езды непригодные совершенно, а остальные были собраны, большею частью, из числа стоявших зимою по станциям, или второпях были куплены совершенно старые олени, тогда как я рассчитывал работать, имея свежих, не уставших за зиму оленей. На Чаун олени не были, за недостатком времени, посланы вовсе. Принимая отчёт в покупке оленей, я был поражён ценами, за которые они были куплены, особенно если принять во внимание, что было куплено: нанять же для нас оленей было совершенно невозможно, так как запрашивались прямо невероятные цены. Подобные же ужасные цены были

для экспедиции всюду и во всём. Позднее, производя сам различные покупки и заказы, я почти всегда встречал стремление хорошо с нас сорвать.

Благодаря той же задержке в Петербурге, наша телеграмма опоздала к чукотской ярмарке в д. Пантелеихе, и этот съезд чукчей и других инородцев не удалось использовать, как я рассчитывал, для целей экспедиции. Я был уже доволен и тем, что все заказанные телеграммой припасы оказались налицо и были переправлены по назначению на Чаун. Из-за экспедиции Средне-Колымск сразу обеднел маслом и сахаром, так малы здесь к весне самые насущные запасы. Десятки пудов сухарей, заказанных нами, только-только успели выпечь и отправить в Нижне-Колымск, причём моё распоряжение: «припасы, боящиеся подмочки, запаять в ящики, укупорить бочонки, фляги», было исполнено так, что сухари уложили в специально сделанные большие ящики, обшили их листовым железом, размеры листов которого продиктовали и размеры ящиков, и запаяли по швам. Такие ящики обошлись по несколько десятков рублей, а самое тяжёлое место получилось весом в 14 пудов 20½ фунтов, причём из этого веса на тару пришлось 4 пуда 19 фунтов, а так как перевоз пуда грузов от Средне- до Нижне-Колымска стоил 2 рубля, а оттуда до склада на Чауне 5-6 рублей, то такая укупорка, доставившая и администрации массу ненужных хлопот, обошлась экспедиции в несколько сот рублей. Грузы экспедиции на пути до Нижне-Колымска чуть было не засели, и их удалось всё-таки доставить, только благодаря понижению температуры в конце апреля, которое задержало и здесь быстрый ход ранней весны.

Как мне, так и Г.Я. Седову было необходимо купить несколько лодок, которых местные жители не соглашались продать даже за дорогую цену. Приведённые в отчаяние, мы заявили исправнику, что, не имея возможности обойтись без лодок и купить их, мы решаемся захватить нужные лодки самовольно, заплатив за них затем по оценке. Это сделалось, по-видимому, известным, и лодки нашлись на продажу даже в большем числе, чем было нужно. Чтобы их отремонтировать рабочих буквально приходилось ловить и караулить на работе, платя при том бешеные деньги. За починку купленной мною лодки я заплатил, например, 15 рублей при условии обязательного угощения спиртом, работы же и притом ленивой было дня на полтора. При этом, когда лодку уже в

день отъезда спустили на воду и начали грузить, она быстро наполнилась водою, так что её пришлось спешно чинить снова. Подрядившийся рабочий в своё оправдание объяснил, что он считал для себя обязательным только заделку большой щели, бывшей в лодке, а общий ремонт её и не думал делать.

Кроме экспедиционных дел, у меня было ещё поручение от Иркутской обсерватории наладить здесь (как и в Нижнем) дело метеорологических наблюдений, но, несмотря на все мои усилия, мне ничего не удалось сделать, наблюдателей не находилось, или они требовали вознаграждения, которое чуть-ли не превышало бы их обычный заработок. Насколько мне известно, наблюдения не ведутся и до сих пор.

Стоявшая всё время пасмурная погода улучшилась только после 20-го мая, и 22-го мая мы могли с Г.Я. Седовым заняться астрономией — я, воспользовавшись его хронометрами, так как хронометры нашей экспедиции шли с Э.Ф. Вебером; запасный же теодолит был со мной.

25-го мая на двух лодках мы покинули Средне-Колымск (таблица 7, рис. 1). Весна была полная, начинал зеленеть лес, в середине дня появлялись комары. О товарищах ничего не было слышно, и у местных жителей было убеждение, что их задержали в пути разливы рек, и что они будут не скоро. Г.Я. Седов, насколько мог, настроил свой карбас, повысив несколько набойками его борта и снабдив более удобными вёслами, а также и небольшим косым парусом, что вызвало на Колыме полную сенсацию. Зато мой карбас доживал последние дни и, несмотря на двукратную починку, тёк так, что взятому из Среднего казаку первый день почти всё время приходилось отливать воду, пока на ночлеге мы не отыскали и не заделали предательских отверстий.

Г.Я. Седов ехал со своими людьми, с которыми должен был и работать позднее, я же пользовался гребцами, которые должны были сменяться на каждой станции, и мог бы плыть почти безостановочно, но в ожидании товарищей решил начать геологические работы от Средне-Колымска и, хотя бы бегло, но успел ознакомиться со строением берегов Колымы, вернее, её правого берега, так как на всём этом протяжении левый берег низменный и сложен наносами. Прекрасная погода благоприятствовала плаванию до 29-го мая, когда сильный встречный ветер, поднявшийся к вечеру, очень нас задержал и раньше времени заставил

остановиться на ночлег у Конжибейского камня, пытаюсь обойти который, я чуть не разбил свой утлый карбас. Г.Я. Седов, как я узнал назавтра, пробовал идти против ветра лавируя, но плоскодонный и мало нагруженный карбас сильно дрейфовало, и из этого ничего не вышло. Кроме того, казаки Г.Я. Седова подняли во время этих манёвров такой вой, что было ясно, что с таким экипажем никуда не уедешь. У Конжибейского камня мы встретили земского заседателя В.И. Мельникова, плывшего в Средне-Колымск и немедленно вернувшегося с нами. От места нашего вынужденного ночлега, из-за ветра и крупной волны, мы с трудом добрались до т.н. «прорвы» — новой протоки Колымы. Здесь именно скончался 25 июня 1892 года И.Д. Черский. На месте печального события стоит скромный деревянный крест, на котором вырезана надпись: «здесь скончался 2-го июня 1892 г. начальник экспедиции Императорской Академии Наук Черский». Под надписью в кружке вырезаны два перекрещенных молотка — эмблема геолога. Река подмывает уже основание креста, и едва-ли он простоит благополучно это лето. Я просил заседателя перенести летом этот крест от берега на безопасное место, но не знаю, выполнена ли эта просьба, тем более, что и обычный путь лежит здесь у левого берега Колымы. 31-го мая мы посетили и могилу И.Д. Черского у молитвенного дома на ст. Колымской против устья р. Омолона, находящуюся также в плачевном виде и только разрушающуюся с той поры, как вдова её устроила так хорошо, как позволили ей местные условия и силы (таблица 7, рис. 3).

В Нижне-Колымск мы приплыли в ночь на 2-ое июня. Здесь мне предстояло собрать своих людей и оленей, о местопребывании которых я не имел определённых сведений. Зная, что оленей мало и качество их, по-видимому, весьма невысоко, в подмогу им я решил взять лошадей, о чём, оказалось, уже был разговор до моего приезда. Я немедленно послал за местным лошадятником Соловьёвым в д. Пантелеиху и за мещанским старостой Шкулевым в с. Походское, а также и за начальником казачьей команды Брусениным, и в ожидании их принялся готовиться к окончательному выезду в экспедицию. В Нижне-Колымске я, а позднее и мои товарищи, жили в доме, нанятом для экспедиции, который изображён на таблице 7, рис. 2, и считается лучшим в этом посёлке или, как говорят иногда, «крепости». 4-го июня, благодаря ясной погоде, я мог произвести, пользуясь опять хронометрами Г.Я. Седова, астрономические

наблюдения. К сожалению, не имея с собою «Nautical Almanach», мы оба пропустили момент солнечного затмения. 5-го июня приехал из Пантелеихи Соловьёв. Оказалось, что у него возможно купить всего 12 лошадей, да и из них более половины были молодые, неезженные, которых нужно было ещё приучать к седлу и вьюку. Не было также полного комплекта потников, сёдел, подпруг и т.п., всё это нужно было собирать или делать вновь. В Нижнем я нашёл ещё одного коня, да у приехавшего 7-го июня старосты удалось купить ещё двух, и 15 лошадей было все, что удалось достать. Староста приехал с крайне печальными вестями. Оказалось, что ламуты стояли с оленями на «каменной» (правой) стороне Колымы, но перед самым вскрытием почему-то перешли на левый берег и пошли в тундры, так что пришлось послать их искать. На правой стороне в моём распоряжении оставалось всего только 29 оленей, которых я должен был ещё собрать дорогою от оленеводов. 7-го же июня я отправил заседателя, чтобы как-нибудь постараться поправить это дело и перегнать оленей на правую сторону. Одновременно с ним выехали Соловьёв — готовить проданных им лошадей и Шкулев также за своими лошадьми, которых он должен был ещё, как и купленного в Нижнем коня, переплавить через Колыму. Г.Я. Седов, покончив в Нижнем свои работы, выехал уже накануне, а 8-го утром решил выехать и я, сначала в Пантелеиху, а затем в Сухарное. Я решил собрать там всех, каких удастся, оленей и лошадей и, если товарищи не приедут, двинуться на восток одному. У меня были с собою инструменты и оружие, пару же хронометров обещался дать мне Г.Я. Седов, имевший их четыре и надеявшийся ко времени моего предполагаемого выступления успеть определить основные пункты.

В три часа ночи на 8-ое июня приехал М.Я. Кожевников, сильно осунувшийся, похудевший и даже как бы постаревший. Э.Ф. Вебер отстал от него на ст. Кресты ради наблюдения солнечного затмения, беднягу же Жукова они оставили ещё на Кюреляхской станции. Моих товарищей, оказывается, не задержали ни Индигирка, ни Алазея, а общие условия дороги, возня с лошадьми, которых было мало, хлопоты с большим караваном, а, главное, уже сильно подвинувшаяся весна, благодаря которой они должны были двигаться летней, т.е. более длинной дорогой, в обход озёр. Им не пришлось почти совершенно пользоваться оленями,

на чём сильно выиграли мы с Г.Я. Седовым. Всего труднее шло их передвижение перед Верхоянском, где, несмотря на некоторые, хотя и запоздалые, распоряжения из Верхоянска, а также и мои хлопоты, было всё-таки трудно доставать оленей и лошадей. Иностранцы ещё в большей степени, чем со мною, воспользовались возможностью сорвать лишнее. Дошло до того, что когда товарищи наняли на одном из перегонов вольных оленей, станционная прислуга отказалась их пасти и пришлось нанимать и особых пастухов. Въезд экспедиции в Верхоянск представлял своеобразное зрелище, так как караван двигался на оленях, быках и вьючных лошадях. Всё это М.Я. Кожевников рассказал мне в течении нескольких часов, проведённых нами вместе, а около 10 часов утра я уже плыл вниз по Колыме. Проезд экспедиции и связанные с этим разъезды администрации заняли немало народу, так что я мог получить всего двух, в общем, очень плохих гребцов, а сам должен был ехать рулевым. Течение у Колымы здесь медленное, и сколько-нибудь встречный ветер задерживает сильно, так что слабые гребцы не раз давали себя знать. К вечеру я был у устья Пантелеевской виски, а в ночь прошёл вверх по ней до посёлка, известного по своей ярмарке, где прожил трое суток у Соловьёва. Всё это время мой хозяин с своей многочисленной семьёй, работниками и моими лодочниками работал, не покладая рук, и исключительно его энергии я обязан скорым снаряжением лошадиного каравана. Пришлось спешно приготовить потники из мешков, набитых сеном и прошитых нитками, сплести новые подпруги из волоса и даже вновь сковать из чего пришлось, пряжки к последним. Сёдла и вьючные деревянные мне удалось купить готовыми. При виде таких приготовлений было ясно, что, найди я ещё 10-20 лошадей, я вряд ли бы успел их снарядить сколько-нибудь скоро. После этих приготовлений началось обучение лошадей. Чуть ли не сутки прошли пока их собрали и пригнали домой. Затем лошадь ловили арканом, что её страшно пугало и приводило в настоящее бешенство, потом с большими усилиями привязывали к столбу, треножили и опускали на несколько часов, одновременно подкармливая сеном. Таким же образом лошадь приучали, или, вернее, её знакомили, с уздечкой, седлом и т.п. За это время я переложил в мешки сухари, оставленные по моему распоряжению в Нижне-Колымске, но в тех ящиках, о которых я упоминал выше, и с которыми мы не могли бы никуда двинуться, настроил вообще все вьюки, а также сделал

экскурсию на Пантелеевскую сопку, на которой сохранились ещё остатки знака, поставленного экспедицией Врангеля.

От Соловьёва я выехал 12-го июля и к вечеру был снова на Колыме у посёлка Кресты (или «у Креста»), исследовав при этом переезде берега Пантелеевской виски. У Соловьёва я купил ещё небольшой челнок из целого дерева — по местному каюк, поднимавший трёх человек и впоследствии нам не раз очень пригодившийся. Во всей северной Сибири такие лодки называют ветками, но на Колыме ветками называют лодочки, сшитые из трёх листовенных тонких досок, очень легкие и удобные на ходу, но едва и не всегда поднимающие двух человек. Кроме того, вследствие своей конструкции ветки эти очень нежны, требуют тщательного ухода и постоянного возобновления осмолки швов, и для такой экспедиции, как наша, являются совершенно непригодными. Тем не менее распоряжение было выполнено буквально: одна ветка уже была отправлена на Чаун, а две ждали на Колыме, и благодаря этому я, узнав, в чём дело, успел заменить их каюком.

Рано утром 14-го июля я был в Сухарном у своих спутников, приплывших туда накануне, из которых Э.Ф. Вебера я не видал почти от самого Якутска. В первый же день я отправил нанятого в Нижне-Колымске переводчика юкагира Румянцева на р. Медвежью, где должны были пастись олени Соловьёва и среди них 20 штук экспедиционных. Кроме того, ввиду вообще недостатка оленей Соловьёв разрешил мне взять у ламута-пастуха из его оленей штук 30. Румянцев вернулся обратно через два дня, не найдя никаких признаков Соловьёвского ламута, откочевавшего неизвестно куда. В тот же день 16-го июля приехал заседатель, переправивший у посёлка «Край Лесов» 71 оленя из числа ламутских. Один олень утонул при переправе, а 53 чукотских оленя, несмотря на все усилия, через реку не пошли и остались на левом берегу Колымы. Ламуты-погонщики первоначально отказывались совершенно идти с нами, и заседателю пришлось немало повоевать с ними. Заседатель доставил и часть упряжи и саней, оказавшихся чукотскими, мало для наших работ пригодными, тогда как телеграммой были заказаны тунгусские нарты. 17-го вечером Э.Ф. Вебер со взятым из Нижне-Колымска в экспедицию казаком Домашонкиным отправился на маяк Лаптева, откуда мы предполагали начать нашу съёмку, и где он должен был успеть

определиться, а 18-го утром явились, наконец, сильно запоздавшие ламуты с давно нетерпеливо ожидаемыми оленями. Более жалкого табуна мне никогда не приходилось видеть. С ним могли идти в сравнение разве измученные олени по тракту, но там был конец зимы, а здесь олени почти целый месяц паслись на свежей траве. Ни у одного из них я не нашёл за ушами комочка жира, присутствие которого является признаком, указывающим, что олени в теле, не говоря уже о том, что у многих прямо торчали рёбра. По-видимому, олени были вообще надорваны непрерывной зимней работой, а весной ламуты слишком много их гоняли по своим делам, вместо того, чтобы дать хорошо отдохнуть. Кроме того, у многих совсем почти не было зубов, и они уже не могли отъестся даже на хорошем корме. Из 71-го оленя, таких старичков, купленных для нас почти за двойную против обычной цену, было 14. Переход от Края Лесов до Сухарного взял более двух суток, так как, по словам ламутов, олени почти отказывались идти. Ламуты предсказывали, что олени скоро начнут падать, да и сам я считал это вполне возможным. Я почувствовал себя более, чем когда-либо, в положении человека, потерявшего последнюю надежду выполнить задуманную экспедицию. Роковой вопрос, начинать ли работы при данных условиях, встал передо мной ребром. После короткого раздумья я всё-таки решил идти вперёд, пробивая себе дорогу всеми способами, пока, наконец, силою обстоятельств не буду вынужден остановиться где-нибудь без возможности двинуться вперёд или назад. Сильную надежду возлагал я на оленей, которых должен был получить из табуна Соловьёва, сорок-пятьдесят штук, а также на возможность нанять или закупить оленей и у чукчей. Теперь же я прежде всего решил принять все меры, чтобы сократить количество клади, которое приходилось везти с собой экспедиции, а равно и число людей. Нанятые для экспедиции ламуты были голытьба, имевшая вместе всего восемь оленей, тогда как своими грузами они занимали, придя в Сухарное, тридцать оленей, не считая ещё того, что часть людей заседатель привёз с собой на карбасе. Я, наоборот, рассчитывал иметь дело с оленеводами, которых мог бы нанять с их табунами, а на заказанные две сотни оленей смотрел, главным образом, как на резерв, предназначая его преимущественно для разъездов во время работ, а весь караван двигая на наёмных оленях. Кроме того, я совершенно не

думал заботиться о пропитании своих оленщиков, а наоборот сам рассчитывал получать от них оленину. Здесь же первая обращённая ко мне просьба была о мясе и сухарях. Рассчитывая необходимое количество последних и заказывая его телеграммой из Петербурга, я имел в виду только русский состав экспедиции, но к счастью сделал заказ с большим запасом, так как знал, что для чукчей сухари являются очень ценным товаром. Только благодаря этому нам и удалось позднее справиться с провиантским вопросом. Возможное сокращение личного состава экспедиции во всех отношениях представлялось поэтому существенно необходимым, но необходимо было произвести это со всей осторожностью, чтобы не остаться совершенно без ламутов, вообще отправлявшихся в путь с большой неохотой. Кроме того, мне необходимо было хоть несколько присмотреться к людям. Указаниям и даже рекомендациям администрации я давно уже перестал давать какую-либо веру. Поэтому я решил покончить с этим делом на маяке Лаптева, откуда после перехода с Сухарного экспедиция должна была начать свои работы.

21-го июня пришёл, наконец, и лошадиный караван с Пантелеихи, в довольно жалком виде, с совершенно измученными конюхами. Горячие, только-что обученные лошади попортили вьюки и сбрую, некоторые поранили себя на пути через лес, а хуже всего — две-три попортили спины. На Пантелеихе, когда я был там, на 15 лошадей имелся всего один конюх, нанятый заседателем проездом по Колыме — точнее, взятый чуть не силой прямо с берега, где он ловил рыбу. Мещанский староста Шкулев, приведший трёх лошадей на Пантелеиху, помог ему вместе со своим работником-якутом перевести лошадей в Сухарное, где ждал ещё один кандидат в конюха, также якут, на всякий случай привезённый заседателем. День 21-го июня целиком ушёл на сборы, укладку всего багажа, обвязку ремнями, взвешивание его, а также починку пострадавшей за переход из Пантелеихи сбруи, так что 22-го мы уже с утра могли начать собираться в путь к маяку Лаптева. Шум, гам, крики, в чём приняло участие всё довольно тогда значительное население Сухарного, так разгорячили наших всё ещё полудиких лошадей, что седланье и вьючение их взяло очень много времени. К тому же теперь приходилось вьючить уже полные вьюки, так как, несмотря на все сокращения, багаж экспедиции — главным образом, съестные припасы — был

весьма велик и по весу и по объёму. Впереди же были ещё грузы Э.Ф. Вебера, увезённые им на лодке на маяк Лаптева. Во время этих сборов мы увидели на Колыме парус. Это плыл Жуков, а с ним шло ещё три вьюка наших грузов, правда, частью очень нужных, так как здесь был кирпичный чай и табак, без которых нам пришлось бы обходиться до Чауна.

Около двух часов дня, когда мы снарядили всех в путь, двинулись и мы с М.Я. Кожевниковым на маяк пешком и к вечеру были уже там. Несколько часов позднее пришли лошади, которым, обходя речки, пришлось сделать довольно значительный крюк, а ещё позднее, часа в два ночи, пришли и ламуты с оленями. С ними шёл наш переводчик Румянцев, который подтвердил, что олени никуда не годны, при очень лёгких грузах всё время ложатся, всё время их приходится переменять, давать отдыхи и остановки. Что касается ламутов, то главный распорядитель Алексей, который весною и угнал оленей за Колыму, был болен или представлялся больным, дорогою стонал, ложился на тундре и не только не был рабочей силою, но даже мешал работать другим и, видимо, желал увильнуть от экспедиции, чем до известной степени шёл навстречу моим желаниям. С Алексеем шли его две взрослых дочери и на р. Медвежьей должны были присоединиться два сына с товарищем. Другой чум составляла семья ламута Семёна, с которым шли его жена, две дочери и сын-мальчик. Кроме того, в Сухарном я нанял ещё одну супружескую чету ламутов — Николая и Ульяну. Алексея с двумя дочерьми я решил с маяка отправить назад, под предлогом, чтобы не вызывать неудовольствия среди ламутов, будто бы мне необходим хороший пастух для оленей, оставшихся на левой стороне Колымы. На маяке же неожиданно выяснилось, что две дочери ламута Семёна — маленькие девочки, совершенно бесполезные в экспедиции, как и мальчик — только-только не грудной ребёнок. Сама же жена Семёна оказалась на восьмом месяце беременности. Как возможно было нанять для экспедиции подобную семью, понять очень трудно. Я постарался, конечно, от неё отделаться, удержав, однако, Семёна, что удалось сделать после долгих и трудных переговоров, уговорив сначала Алексея взять эту семью на своё попечение, а семье дав взятку в виде мешка сухарей и 25 рублей деньгами. Таким образом, у меня осталось ламутов шесть человек мужчин и одна женщина с одним чумом, благодаря чему я сразу более чем на половину сократил количество оленей, занятых ламутами. В то же

время я удержал всех оленей, принадлежавших Алексею и Семёну. То обстоятельство, что с нами шла только одна женщина, не было удобно, так как при таких путешествиях у женщин всегда много дела. По инородческим обычаям установка чума и обратно сборка его лежит целиком на обязанности женщин, которые, кроме того, должны шить, чинить, сушить всю одежду экспедиции, а особенно обувь, которая нуждается чуть ли не в ежедневной починке. На счастье наша Ульяна оказалась неутомимой и прилежной работницей, работавшей всё время не покладая рук.

Э.Ф. Вебер вполне использовал на маяке ясную погоду и успел сделать здесь ряд наблюдений, так что 23-го июня мы могли, наконец, начать свои работы, с опозданием более полутора месяцев против предположенного (таблица 7, рис. 5). Благодаря грузам Э.Ф. Вебера и привезённым Жуковым, все пятнадцать лошадей пошли под полными вьюками, равно как немало пришлось и на олений караван. Мы с М.Я. Кожевниковым пошли опять пешком вдоль берега, а Э.Ф. Вебер должен был двинуться также пешком с лошадиным караваном через тундру, прямо к броду через реку Медвежью, лежащему в нескольких верстах от устья. К сожалению, когда мы уже ушли, заседатель, приплывший на маяк в лодке и водою направившийся и на р. Медвежью, предложил ехать с ним и Э.Ф. Веберу, который отправил хронометры, однако, с лошадьми, опоздал к заводке, и три карманных хронометра у нас остановились. С лошадиным караваном шёл в подмогу конюхам наш единственный казак Домашонкин, а переводчик Румянцев должен был идти с оленями, которых, по крайней мере в первое время, приходилось гнать отдельно от лошадей. По дороге на Медвежью, мы зашли в бухту Амбарчик, где в поварне расположился Г.Я. Седов со своими людьми, успевший уже немало сделать для своей работы и выставивший ряд знаков как по побережью, так и на близлежащих островах. В час ночи мы двинулись отсюда дальше и часам к пяти утра 24-го июня подошли к р. Медвежьей. Здесь я должен был горько посетовать на своих людей. Вопреки моему прямому приказанию, лошадиный караван не перешёл брод через Медвежью, и сделали это только ламуты с оленями, а, наоборот, даже ушёл от брода навстречу нам с М.Я. Кожевниковым, оправдываясь тем, что они опасались, как бы мы не заблудились. Нам навстречу был послан даже особый проводник. В силу ли этой излишней заботливости или по какой

Таблица 8.

1. Лагерь экспедиции на р. Медвежьей. Фото Толмачёва.

2. Почвенные льды на берегу океана у р. Большой. Фото Толмачёва.

другой причине, но наш караван и все грузы разбились на две части с расстоянием около пяти вёрст друг от друга, разделённые к тому же рекою. Здесь у нас была назначена днёвка, но, благодаря устроенной людьми путанице, мы простояли здесь четверо суток, так как погода испортилась, река вздулась, и 25-го мы были совершенно отрезаны от ламутов, к которым могли перебраться только 26-го к ночи, да и то переплавив лошадей и перевезя грузы в единственном бывшем у нас каюке. 26-го же ночью и 27-го много было дел с чукчами, у которых мы всё-таки купили несколько оленей, хотя и с большим трудом, несмотря на тысячные табуны, пасшиеся кругом. Здесь я воочию убедился в справедливости того, что мне рассказывали колымчане, что чукчи очень неохотно расстаются, хотя бы и за хорошую плату, со своими оленями.

С какими трудностями приходилось собирать и своих оленей, показывает, например, следующий эпизод: у одного чукчи было куплено для меня два оленя за 40 рублей, которые я и должен был передать ему. Теперь он отказался от денег, требуя берданку с патронами и иначе не отдавая оленей. Пришлось отобрать берданку у ламутов и таким образом получить необходимых нам оленей. У чукчей же мы купили ещё несколько нарт с лямками, которых у нас оказывался уже большой недостаток, а также начали понемногу закупать и меха, которые позднее должны были послужить нам для уплаты чукчам за разные услуги.

На первой стоянке у устья Медвежьей посетил нас Г.Я. Седов, приходивший сравнить свои хронометры с нашими. С уходом Г.Я. Седова как-то более почувствовалось, что мы начали экспедицию, а последняя связь с Колымою прервалась с уходом от нас с р. Медвежьей и председателя, который проводил до сюда экспедицию. От чукчей мы, наконец, узнали, что пастух Соловьёва с моими оленями стоит за Большим Барановым мысом, где мы и могли наверное его найти. С председателем же я отправил и нанятого им конюха, оказавшегося никуда не годным, оставив себе Шкулева и якута Митрофана. Наша экспедиция окончательно сформировалась и, кроме нас троих, состояла из двух конюхов, переводчика, казака и семи человек ламутов — всего 14 человек. Мы трое помещались в двух палатках, причём большая, где ночевали Э.Ф. Вебер и М.Я. Кожевников, служила нам на остановках общим помещением. Ламуты жили в чуме (посередине рисунка 1-го, таблицы 8), а для русских рабочих имелся так называемый «полог» — маленькая палаточка из

дабы почти кубической формы (слева на том же рисунке), годная, благодаря своим размерам, только для спанья, но всё-таки защищающая от дождя, ветра, а самое главное комаров. Наши лагерные порядки, сформировавшись на р. Медвежьей (таблица 8, рис. 1), оставались такими до Большой реки, где мы должны были разделиться. Все люди целиком ехали на нашем иждивении, и хотя запасы были в общем велики, приходилось экономить с самого начала, так как целого оленя мы съедали в два-три дня, куля сухарей только-только хватало на неделю и всё в том же масштабе. Заведывание выдачей провианта я поручил Шкулеву, как наиболее хозяйственному и заслуживающему доверия, чем смертельно обидел казака, привыкшего, по-видимому, или считавшего, что в экспедицию он идёт для распоряжений, а не для работы — взгляд, с которым я встречался и позднее, но с которым, к сожалению, не был знаком до отправки в путь. Хозяйственные заботы не ограничивались пропитанием. Оказалось, что наши ламуты двинулись в дальнюю дорогу чуть не полуголыми, и мне пришлось заботиться об их обуви, а также и одежде вообще. Достать одежду в это время года было не очень легко тем более, что и узнавали мы об этом лишь постепенно во время пути, что брало немало времени и давало много хлопот. Кого или что винить в том, что у нас оказались такие рабочие, и что ни о чём этом мы не были оповещены заранее, сказать трудно, но мешало нам всё это в работе очень много.

Ход экспедиции определился теперь так. Я выезжал верхом на олене в сопровождении верхового же ламута с одним вьючным оленем, нагруженным инструментами и собираемыми коллекциями, и ехал или шёл самым берегом. М.Я. Кожевников ехал также вдоль берега с другим ламутом, но на санях, на которых впрочем ему приходилось сидеть ещё реже, чем мне верхом. Караван, как общее правило, шёл под наблюдением Э.Ф. Вебера в глубине тундры, так как берега местами сильно утёсисты и непроходимы, а также большое препятствие представляли бы и многочисленные речки, которые, обычно, в нескольких верстах от берега уже совсем мелки. Мы с М.Я. Кожевниковым там, где предвиделись подобные речки, пользовались нашим каюком, который нам подавали навстречу или который мы иногда везли с собою, причём, благодаря бестолковости и нерадивости наших людей, нередко приходилось ожидать его часами. Местами, где предполагалось, что дорога вдоль берега

очень трудно проходима, мы шли пешком, имея вьючных оленей только для грузов. Когда до экспедиции мы рассуждали, как пойдёт работа, то всегда предполагали, что обход берега пойдёт в общем тише, чем движение каравана. Оказалось, однако, обратное. Благодаря простоте береговой линии, дорога по берегу являлась чуть ли, вообще, не кратчайшим путём, если бы не препятствия, упомянутые выше, вследствие которых каравану приходилось идти в отдалении от берега, и он, обходя речки или прибрежные горы, делал часто даже круг. Кроме того, люди без достаточного надзора шли с постоянными, часто совершенно ненужными остановками, как бы пассивно протестуя против совершенно необычного для них летнего движения. В силу этого мы с М.Я. Кожевниковым, двигаясь не скорее, чем можно идти пешком и всё время работая, не только не задерживали движение экспедиции, а очень часто приходили на условленное место ночлега значительно раньше оленей вместе с лошадиным караваном или следом за ним. Так, например, при обходе Десяткина мыса я пришёл на ночлег ровно на 12 часов раньше оленьего каравана. Это создавало большие неудобства, так как многие нужные вещи, случалось, шли с оленями и, в ожидании их, приходилось сидеть в вынужденном бездействии. Для избежания этого пришлось перераспределять снова багаж между лошадьми и оленями, что усложнялось ещё тем, что ламуты не обращали никакого внимания на то, как они везли грузы, и страшно мочили все вещи, уложенные на санях, так что их постоянно приходилось перекладывать и сушить. Вследствие этого движение экспедиции никак не могло наладиться, и организацией его приходилось заниматься всё время, тратя на это массу времени и энергии. Немало задерживала олений караван также и постоянная поломка саней, летом, конечно, неизбежная, но у нас особенно частая, так как мы имели очень слабые чукотские нарты на низких копыльях; к тому же, никто из ламутов не умел делать саней, даже починять их скольконибудь сносно, и я только покупкою у чукчей мог поддерживать свой запас саней. Перейти на вьюки вполне мы не могли отчасти из-за особенностей нашей клади (например, лодку можно было везти только на санях), а главным образом, из-за того, что у нас было мало сёдел, так как вся оленья сбруя была для нас запасена в крайне ограниченном количестве, и лямки, например, мы должны были всё время шить дорогой. Олений караван был для нас, таким образом, всё время сильным тормозом, но

без него мы всё-таки не могли двигаться, так как лошадей было слишком мало, да и оленей я считал необходимым иметь в запасе. Кроме того, оказалось, что и как погонщики и подводчики наши ламуты никуда не годны. Не идя вместе с оленями, я не знал сначала, как они запрягаются, и только уже в пути однажды увидел, что запряжка делается зимняя — чукотская, т.е. по одному оленю в сани, тогда как даже хороших оленей и при лёгком грузе при пути через тундру летом запрягают не менее трёх и лишь при небольших переездах двух. Я в ужас пришёл, увидев, как мучились в одиночной запряжке и без того уже изнурённые олени. Когда я потребовал, чтобы запрягали оленей по крайней мере по две штуки, ламуты запротестовали всеми силами, ссылаясь на то, что нет ремней и лямок, что олени не приучены к парной запряжке, будут дурить и т.п. Я, однако, велел нашить лямок, добыл ремней, переделал сани для парной упряжки, показал как её устраивать, и всё пошло, как следует. Никаких мотивов для своего упрямства у ламутов не было, кроме упорного нежелания уклониться от раз принятого. Это особенно характерная черта для чукчей, консервативных в своих житейских привычках и обычаях до последней крайности и оказывающих громадное влияние на соприкасающихся с ними ламутов и даже русских. Чукчи в летнюю пору никуда не передвигаются на оленях, и нам не удалось нанять у них ни одного оленя, хотя в наших руках был ряд товаров, имеющих для них почти непреодолимую прелесть. В глазах наших ламутов наше летнее передвижение было чем-то ужасным. Этим, вероятно, следует объяснить и внезапный, так дорого нам стоивший увод оленей на левый берег Колымы, попытка ламута, пасшего оленей Соловьёва, угнать их возможно дальше, а также и опыт побега, проделанный одним из наших людей, за которым, вероятно, последовали бы и другие, не прими я самых энергичных мер. Случилось это на пятом переходе, когда на ночлеге на р. Сельдёвой мы не досчитались ламута Ивана — брата Семёна. Утром перед выступлением на следующий день я собрал ламутов и с большой помпой объяснил им, как плохо сделал Иван по отношению к нам и как много причинил вреда себе, так как теперь он может жить лишь отщепенцем от общества — бродягою, не смея показаться никуда, где может встретить русских. В то же время я предупредил, что в случае побега при мне я достану беглеца пулею, пока он не скроется

из виду, они же почему-то верили в силу моей трёхлинейки, про которую позднее уже у чукчей, как кажется, говорили, что из неё я могу застрелить и таких заговорённых людей, которых не берёт пуля лучшего американского винчестера — даже «железная», как называют здесь пули с никелевой оболочкой. Всё это вместе взятое произвело нужное впечатление. Побегов более не было, а Иван на следующем ночлеге явился на табор, заявив, что вчера он заснул в тундре, пася оленей, и поэтому и остался. Я, конечно, сделал вид, что этой сказке поверил, хотя за Иваном, вероятно, посылали, так как, по-видимому, другие ламуты знали о его побеге и, по всей видимости, это была лишь проба.

На р. Крестовой мы получили первые вполне определённые сведения о ламуте, пасшем оленей Соловьёва и экспедиции, известном под прозвищем «секретаря». Оказалось, он стоял здесь, но, узнав о нашем приближении, откочевал далее, так что мы нашли его лишь на р. Конечной. С оленями дело оказалось хуже, чем я надеялся. Двадцать закупленных оленей были далеко не в блестящем положении, а кроме них я не мог получить от секретаря ни одного и, посмотрев табун, я не нашёл там оленей, которыми мог бы воспользоваться. Как, быть может, не без основания предполагали наши люди, хитрый секретарь, предвидя, что олени нам будут нужны, часть ездовых оленей припрятал у чукчей и, возможно, даже лучших, так как из числа переданных мне 20 штук, за которых было заплачено ещё весной, несколько штук пало у нас в первые же дни. Наши олени тем временем также быстро шли к концу, и я вскоре должен был перейти уже совсем на пешее хождение, так как не хватало оленя то для меня, то для ламута, то для моей клади. Иногда утром, пока ловили оленей, я уходил вперёд, и ламут верхом на олене с двумя другими не мог меня догнать, хотя естественно, что, занимаясь наблюдениями, я шёл очень медленно. Пала также уже и одна из лошадей. Как бы то ни было, борясь и завоёвывая каждый шаг вперёд, мы дошли 12-го июля до Большой реки, где нам пришлось разделиться. Все чукчи, которых мы расспрашивали о нашем дальнейшем пути вдоль берега, очень согласно утверждали, что полуостров Карчык (западнее острова Айона) выступает несравненно далее к северу, чем это выходило по съёмке Врангеля, и что на его северной оконечности корма очень плохи. Я не очень верил первому, но не мог не задуматься над вторым указанием, так как на оленях, плохо откормленных и уже измученных,

нечего было и думать двигаться в места, где им придётся плохо кормиться, что могло бы повести к гибели всего табуна. С другой стороны, и чукчи и ламуты, как наши, из которых один знал места, так и встречные, особенно секретарь, уверяли, что на Чаун есть прямой путь с Большой реки и что при хорошей ходьбе этот переход можно сделать в восемь дней. По мнению секретаря, даже с нашими оленями возможно напрямик надеяться добраться до Чауна к первому Спасу (1 августа), и он обещался даже провести нас и помочь своими оленями, но потом, к сожалению, отказался от этого. В силу всего этого я решил разделиться, поручив Э.Ф. Веберу со всем оленьим караваном и половиной лошадей пройти на Чаун прямым путём. Сам же с М.Я. Кожевниковым, в сопровождении Шкулева и Румянцева, с тремя вьючными лошадьми решил двинуться налегке берегом моря, окружным путём. Для астрономических наблюдений я взял запасной теодолит, один карманный хронометр и двое сравнительных часов, для которых пришлось устроить импровизированный хронометрический ящик, с подушками из древесных стружек. Основываясь на рассказах чукчей, мы предполагали, что Э.Ф. Вебер пройдёт на Чаун скорее нашего, и надеялись запоздать не очень сильно, благодаря более быстрому движению на лошадях. Э.Ф. Вебер должен был немедленно по приходе на Чаун добыть с Шелагского мыса байдары, так как я видел, что с нашим складом, заготовленным ещё весною на Чауне, собственными средствами мы никуда не пройдем.

С хлопотами по разделению, разными работами, задержанные отчасти также ветрами при переправе через Большую реку, довольно широкую в устье, мы смогли с М.Я. Кожевниковым двинуться только 16-го к вечеру и в этот день лишь переправиться на другой берег, переведя лошадей и перевезя грузы. На завтра, когда мы уже собрались в путь, к нам приплыл в каюке, который мы не могли взять с собою, один из наших ламутов, сообщивший нам, что мы находимся на острове, как рассказали вчера вечером пришедшие на табор чукчи. Полдня взяла теперь переправа через протоку с острова на материковый берег; не приди лодка, та же переправа стоила бы нам, быть может, несколько дней. На острове было очень мало плавника, и для того, чтобы сделать плот — наше единственное спасение — пришлось бы, вероятно, сначала переплыть как-нибудь на материк и уже оттуда добыть материал для

ТАБЛИЦА 9.

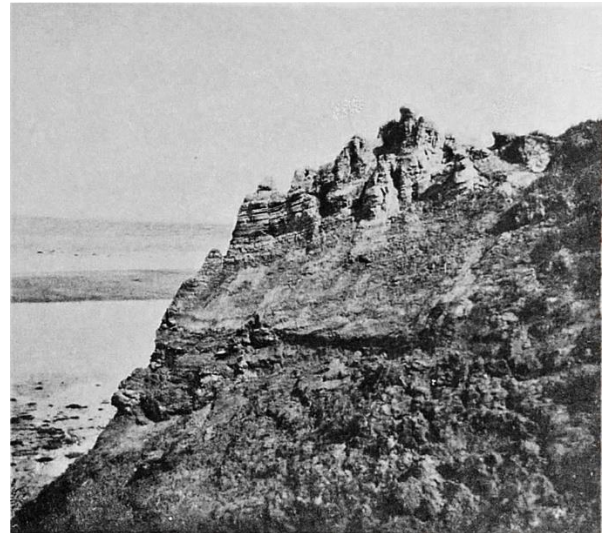
1. Кожевников за работой на берегах
Чаунской губы. Фото Толмачёва

2. Толмачёв с переводчиком на Чауне.
Фото Кожевникова

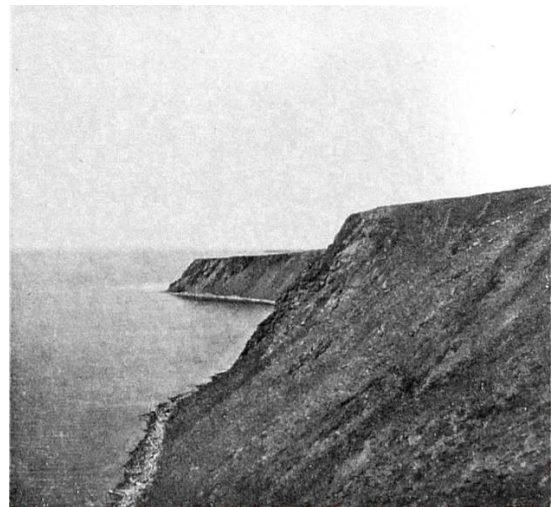
3. Торговля Кожевникова с чукчами.
Фото Толмачёва

4. Постплиоценовые пески на берегу оке-
ана западнее р. Большой. Фото Толмачёва

5. Почвенный лёд, прикрытый торфяни-
ком, западнее р. Большой. Фото Толмачёва

6. Устье Колымы. Восточный берег север-
нее маяка Лаптева. Фото Толмачёва

устройства переправы. В дальнейшем такие случайности нам не угрожали, и мы пошли вперёд со скоростью, давно уже нами невиданною, проходя в день до 30-ти, а иногда и более вёрст. Мы поднимались очень рано утром, пили чай и шли до 11-ти — времени обеда. Дав лошадям отдых часа в три, шли снова до вечера, когда останавливались на ночлег, выбирая, по возможности, места с хорошим кормом. Как мы и ожидали, мыс Карчык выдавался к северу совсем не так далеко, как можно было заключить по рассказам чукчей. Совсем, однако, неожиданно было встретить для нас на самой северной точке этого мыса оленных чукчей, прикочевавших сюда на лето. Чукчи же встречались по побережью и западнее по нашему пути, а равно и по берегу Чаунской губы. Таким образом, все рассказы об отсутствии оленьих кормов оказались простою баснею. Возможно, что тут был умышленный обман со стороны наших людей, служивших переводчиками, в интересах которых было убедить нас пройти прямой дорогой.

Во время пути мы обыкновенно разделялись так, что со мной ехал Шкулев, ведущий лошадь, на которой был навьючен вместе с другими грузами и ящик с хронометрами, а Румянцев, который вёл остальных двух вьючных лошадей, ехал с М.Я. Кожевниковым (таблица 9, рис. 1). Там, где по берегу шли обнажения, я отдавал свою лошадь Шкулеву и многие вёрсты шёл пешком, как и прежде. Единственной нашей задержкой являлись теперь речки, пересекавшие нам путь. Весь мыс или полуостров Карчык, как и прилегающая часть побережья Ледовитого океана, сложены рыхлыми постплиоценовыми отложениями, и сколько-нибудь высокие горы отходят далеко от берега. Все реки и речки, протекающие в этом районе нашего пути, отличались поэтому очень медленным течением, однообразною глубиною, отсутствием перекатов, а следовательно и бродов и, в силу геологического строения местности, очень грязным дном. Если к этому добавить, что в большинстве случаев речки в наносах текут в крутых, хотя и невысоких, но как бы подрезанных берегах, то при некоторой глубине они являлись более недоступными для перехода лошадиному каравану, чем горные быстрые речки, где есть опасность утонуть, но не завязнуть в грязи. Идя берегом и наталкиваясь на такую речку, мы прежде всего делали попытку найти дорогу в её устье, всегда более мелком, чем вышележащая часть реки и, главное, с

более твёрдым песчаным дном — неизбежное следствие сортировки взвешенного в воде материала при его отложении в водах океана или Чаунского залива. В поисках за этим твёрдым дном, мы иногда чуть не на версту отходили от берега, что, конечно, было возможно только при безветренной погоде. Иногда наши старания увенчивались успехом, и мы шли далее берегом, иногда же должны были воротаться обратно, не будучи в состоянии перейти речку или хотя бы один из её рукавов без риска подмочить инструменты, — и в этом случае нам не оставалось ничего другого, как обходить встреченную речку в её вершине. В двух случаях нам помогли встретившиеся чукчи, перевёзшие нас на своих байдарках, да в устье р. Кузьминой оказалось так много плавника, что мы без труда выстроили плот, хотя и убили на это более полдня. В Чаунской губе, однако, плавника было мало, и нам ничего не оставалось, как обходить речки, к счастью, вообще, очень короткие, но всё-таки отнимавшие у нас иногда до двух дней, причём для ночлега в тундре нужно было возить с собой с берега дрова. Некоторый интерес эти поездки вглубь тундры имели потому, что мы познакомились с особенностями тундры и с геологическим строением Карч́ы́ка, что, впрочем, являлось лишь проверкою и подтверждением уже составившагося у меня представления. Во время этих обходов речек мы не раз видали в тундрах чукчей и раз даже, зайдя особенно далеко, встретили довольно богатого оленевода — как раз тогда, когда у нас уже окончились запасы мяса. Весь полуостров Карч́ы́к, таким образом, в летнее время, вопреки рассказам чукчей, встреченных перед Большой рекой, является местом для кочёвок оленеводов, что одинаково относится и до лежащего против него о. Айон.

При всей своей незначительной величине, тундровые речки образуют большие выносы и впадают, обыкновенно, в низменных болотистых, покрытых озёрами и многочисленными протоками берегах. Такие наносы вообще обширно развиты в западной и южной части Чаунской губы и, в особенности, на полуострове Карч́ы́к у Малого Чауна — пролива, настолько мелкого, что при благоприятных условиях на о. Айон возможно перейти вброд. Берег здесь совершенно низменный и, в зависимости от направления ветров, то закрывается водою, то обнажается, и мы местами ехали по широким пространствам, покрытым лишь рас-трескавшимся при высыхании илом, иногда с выцветами солей, бывших, очевидно, несколько дней тому назад под водою. Местами среди

этой безжизненной равнины встречались плоские бугры в несколько вершков вышиною и площадью от нескольких аршин, покрытые травой, превращающиеся в островки, когда осушка зальётся водою. Здесь мы, можно сказать, запутались среди массы больших и малых озёр, заливчиков, проточек, обширных болот и т.п. Сказать определённо, где нужно провести береговую линию, было очень трудно, и на нашей съёмке мы показали здесь берег пунктиром. Нашему путешествию по Карчыку много способствовала прекрасная погода, испортившаяся лишь когда мы подошли к горе Каину — на западном берегу Чаунской губы в её южной части. Случись это несколько ранее, ненастье, несомненно, ещё более затруднило бы переход через речки, которые должны были вздуться, да и обход их по тундре под дождём и в тумане, когда легко заплутаться среди бесчисленных озёр и соединяющих их протоков, был бы много труднее. Кроме того, хорошая погода позволила мне сделать в двух пунктах астрономические наблюдения.

Наши мучения с тундровыми речками кончились перед горой Каином, где горы ближе подходят к берегу, и тундровые наносные берега постепенно заменяются скалистыми, сложенными глинистыми сланцами, прорезаемыми разнообразными порфировыми жилами. Речки, благодаря близости гор, здесь быстрее, мельче, и переход через них нам не представлял уже никаких затруднений. Идя, однако, склоном Каина, мы встретились с другой неприятностью, к счастью, непродолжительной — это с очень скудной травянистой растительностью на высоких скалистых берегах, что заставило задуматься о наших лошадях, которых на одном ночлеге после тщетных поисков сколько-нибудь порядочного кормовища, мы должны были оставить на привязи. Как раз на этот ночлег явились неожиданно ламуты от Э.Ф. Вебера, который стоял в горах невядалеке от нас. Движение оленьего каравана шло очень медленно, и мы со всеми потерями времени, идя окружной дорогой, были впереди. С чисто детской наивностью ламуты говорили, что они теперь долго спят, поздно встают, хвастаясь перед нашими конюхами этим счастьем, которого последние были лишены.

Спустившись с Каина, мы снова встретили чукотские посёлки и чукчей, которые бывали уже на нашем складе на Чауне. Один из них, по имени Еманькау, немедленно собрался в путь и двинулся вместе с нами, в сопровождении своего пасынка, в двух лёгких байдарках. Чукчи эти

представляли, можно сказать, счастливое исключение и очень помогли нам. Благодаря им, реки, впадающие на южном берегу Чаунской губы, были нам совершенно не страшны, как и сам Чаун, впадающий несколькими крупными устьями. Чукчи отыскивали нам броды, где они были, или помогали нам перевозить груз, следили за мной, когда я, осматривая обнажения в крутых берегах, обходил скалистые мысы морем вброд, помогали на таборе при остановке на ночлег и при движении дальше — словом, вели себя как участники экспедиции, и притом совершенно бескорыстно, если не считать, что я их кормил и поил. 3-го августа мы остановились на ночлег на левой стороне Чауна против склада, а назавтра утром были уже на складе, где нас целое лето ждали казак Киприянов и переводчик Бережнов. Вопрос о том, как добыть байдары для наших грузов, решился очень просто, так как тот же Еманькау охотно согласился пойти в байдарке на Шелагский мыс, и опять-таки совершенно бескорыстно. Я нанял ему спутника из местных чукчей, стоявших на Чауне в нескольких чумах (ярангах), и он немедленно двинулся в далёкую и далеко не лёгкую дорогу. Нам же теперь не оставалось ничего другого, как ждать Э.Ф. Вебера, который не должен был быть далеко, и байдар, чтобы двинуться дальше. Сиденье на Чауне я употребил на подготовку к зимнему путешествию. Здесь удалось купить несколько шкур пыжиков, необходимых для хорошей зимней одежды, и затем, что ещё важнее, ровдуги (замши) для чума, который я и подрядил шить чукчанок; палки для чума пришлось приготовить, расколов для этого несколько подходящих брёвен из плавника и выстрогав их затем ножами. Рисунок 2 таблицы 9 изображает меня здесь во время какого-то совещания у чукотской яранги с нашими переводчиками — Румянцевым и Бережновым, рисунок 3 — М.Я. Кожевникова, занимающегося меновой торговлею с чукчами.

Пришлось уничтожить окончательно те сухарные ящики, о которых упоминалось выше, пересыпав сухари в мешки. Все эти дела приходилось делать или с чукчами, с которыми чуть не день нужно, чтобы договориться по тому или другому делу, или же при помощи русских рабочих, которых нужно было всё время заставлять хотя бы немного работать, так как они этому предпочитали буквально лежать на таборе или у чукчей. Кроме того, ввиду очень переменчивой погоды, было необхо-

димо несколько дней караулить момент, чтобы произвести астрономические наблюдения. Всё это не давало времени на какие-либо экскурсии. Вблизи табора делать было нечего, для поездок по реке не было лодки, так как завезённая ещё зимою ветка, как я и ожидал, оказалась никуда не годной, а для разъездов по суше не было лошадей, оставшихся, также из-за отсутствия лодок, на левом берегу Чауна. Кроме того, я со дня на день ждал с одной стороны Э.Ф. Вебера, с другой — байдар, которые могли прийти и ранее заказанных, так как в это время чукчи вообще ходят с м. Шелагского на Чаун за пыжиками и олениной, а в этом году собирались, по слухам, прийти и ради нас.

5-го августа пасынок чукчи Еманькау, у которого мы купили оленей и который поэтому отстал от нас, когда мы шли на Чаун, чтобы сходить в табун за оленями, приплыл на своей байдарке с вестью, что завтра наши будут на Чауне. С ним на каюке поплыл, было, наш ламут Павел, но из-за ветра возвратился. Между тем день проходил за днём, а Э.Ф. Вебера всё ещё не было. Наконец, 11-го августа мы увидели в бинокль на другой стороне Чауна, верстах в 10-ти от нашего стана вывешенный на высоком шесте большой флаг. Через некоторое время на морском берегу лежащего против нас острова показался всадник на олене, также с флагом в руке. Это был наш ламут Павел, отправившийся искать нас. Потом, когда к вечеру приехал Э.Ф. Вебер, оказалось, что, выйдя на берег моря 1-го августа, наш олений караван опять пошёл «напрямик» через тундры и на рукаве Чауна за островом бродил 4 дня. Отчаиваясь найти нас, вывесили флаг на таборе — верстах в 10 от нас, и послали с другим флагом посланца на поиски. Между тем, все ламуты и бывший с Э.Ф. Вебером казак совершенно определённо знали от чукчей, где находится наш склад, и вся эта комедия с поисками дороги и нас велась исключительно для Э.Ф. Вебера по мотивам, которые мне выяснились после его рассказов о своём переходе. Именно, ламуты категорически заявили ему, что все они подряжены только до Чауна и далее не пойдут и даже не желают переходить через реку к складу. Только после продолжительных дипломатических переговоров, в общем мирных, мне удалось уговорить их пройти с нами до устья р. Веркона (Кейвеям), откуда я пообещал отпустить их на Колыму, так как отлично видел, что с нашими оленями всё-равно работать долго будет невозможно. В то же время я пообещал одеть ламутов с ног до головы в зимнее платье, о чем, впрочем,

начал уже и сам заботиться. Во всей этой истории, по-видимому, большую роль играл казак Домашонкин, непременно желавший вернуться домой и, с одной стороны, мутивший ламутов рассказами, что мы уйдём в Америку, бросив их на произвол судьбы, а с другой, пользуясь своим положением переводчика, сознательно мешавший Э.Ф. Веберу в деле руководства во время этого перехода, для него, конечно, совершенно новым и далеко не лёгком. Видя, что мне удалось столкнуться с ламутами, Домашонкин, жаловавшийся перед этим на ломоту в пояснице, в ночь на 11-е августа разыграл из себя умирающего, слёг пластом, всё время кричал, совершенно перестал ходить и даже по своим нуждам заставлял ламутов выносить себя из чума на оленьей шкуре. Расчет был ясен: мы не могли перевести человека в таком положении на наш берег Чауна в каюке или в маленьких байдарках и не могли увести от него ламутов, которые за ним ухаживали. Но 12-го августа пришли с м. Шелагского давно ожидаемые байдары, и положение вещей совершенно изменилось. Чукчей кое-как удалось уговорить перевезти больного, — довольно рискованное, по их воззрениям, предприятие для здоровья и благополучия владельцев байдары, Домашонкина снесли на шкуре в байдару и на шкуре же вынесли на берег. Затем переправили оленей, лошадей и все грузы, что взяло у нас почти целый день. Даже при таких благоприятных условиях переправы наши ламуты умудрились утопить четверо саней, кое какие грузы и одного оленя.

Две чукотские байдары, пришедшие с острова Раутан, могли свободно поднять все наши грузы. К сожалению, я никак не мог уговорить чукчей доставить эти грузы дальше мыса Шелагского. Между тем я рассчитывал нанять байдары возможно дальше, например, до ур. Якана, и перекинуть туда часть наших грузов, что сильно бы облегчило в будущем движение по побережью. Я предполагал отправить с грузами обоих казаков, с тем, чтобы они, дойдя до назначенного пункта, выискали возможность передвинуть половину грузов ещё дальше, разделившись там. Но отказ чукчей, ссылавшихся на то, что у берега много льдов, а также и совершенно ненадёжные казаки (других же свободных людей у меня не было), из которых Домашонкин достаточно доказал свою непригодность для экспедиции, а несостоятельность больного Киприянова для трудной дороги я оценил с первого взгляда, делали совершенно невозможным выполнение такого плана.

За большую байдару в окончательном расчёте я уплатил 15 кирпичей и 10 папуш табаку, за меньшую 10 кирпичей, кумачу на кухлянку и 1 железный котёл. Кроме того, мы обязывались выменять у них на о. Раутан песцов на чай, а по доставке грузов на место дать владельцам байдар по бутылке водки.

16-го августа я отправил на м. Шелагский ламутов и оленей под начальством Киприянова с небольшим лишь грузом, оставив всех лошадей для себя и М.Я. Кожевникова. Домашонкина я решил довести до м. Шелагского и здесь оставить у чукчей ждать нашего возвращения с востока. Узнав об этом, Домашонкин стал проситься отпустить его на Колыму, соглашаясь идти хотя бы пешком вместе с уволенным мною ламутом Семёном, которого я отправлял обратно, снисходя к его просьбам (его беременная жена возвратилась от маяка Лаптева). Когда я, радуясь случаю отделаться от столь вредного для экспедиции субъекта, согласился, Домашонкин моментально «выздоровел», немало озадачив одурченных им товарищей. С Семёном я отправил почту и заказал собак на Колыме для нашего обратного пути с м. Шелагского.

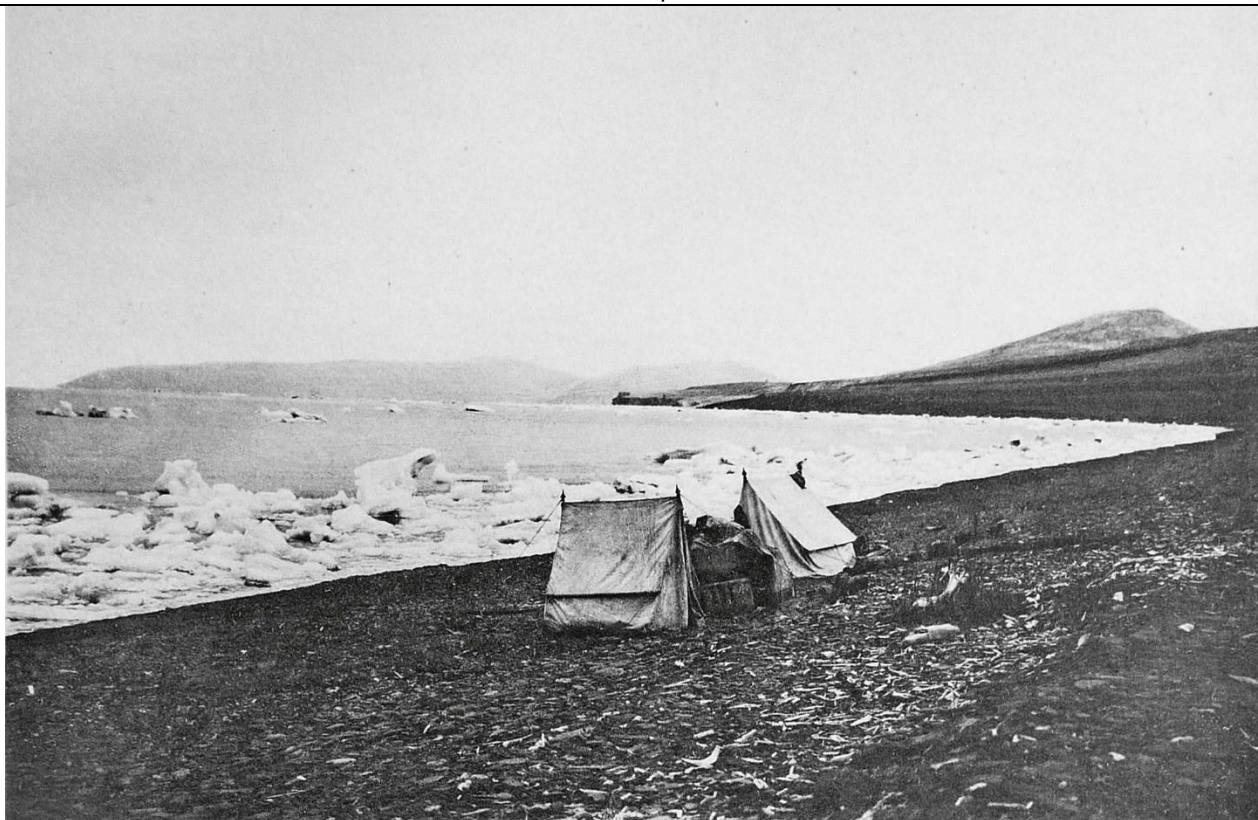
19-го августа обе тяжело нагруженные байдары двинулись в путь под наблюдением Э.Ф. Вебера и Бережного. До этого времени мешали сильные северо-западные ветры, против которых байдарам было невозможно выйти из устья Чауна, одною же или двумя короткими паузами затишья мы не успели воспользоваться.

Ещё накануне отъезда Э.Ф. Вебера захворал поносом и рвотою Шкулев. На другой день болезнь усилилась и совершенно лишила его возможности ехать верхом. В это время пришло с Шелагского мыса ещё несколько байдар, и хотя здесь были «друзья» нашего больного, никто из них не соглашался взять его на своё попечение и доставить на м. Шелагский. Они очень откровенно заявили, что взять-то его они, пожалуй, и возьмут, но раз ему дорогой сделается хуже, они бросят его где-нибудь на берегу. Точно также никто из чукчей, живших вблизи склада, не соглашался принять больного к себе, несмотря на все наши хлопоты. За это время, пользуясь тем, что Шелагские чукчи собрались у нас чуть ли не полностью, я пытался подрядить их перевезти наши грузы к востоку от м. Шелагского на байдарках, но все они, кроме одного, дававшего уклончивый ответ, отвечали отрицательно, ссылаясь на неблагоприят-

ное состояние льдов. Охотнее они соглашались везти нас позднее на собаках и даже обещались поскорее покончить свои дела на Чауне, чтобы поторопиться на м. Шелагский, где я мог бы окончательно условиться с ними.

Мы просидели на Чауне до 22-го августа, стараясь использовать все наши медицинские познания и всю нашу аптеку (главный запас медикаментов был у Э.Ф. Вебера), чтобы поставить на ноги больного, но безуспешно, и 22-го решили двинуться с одним конюхом — Митрофаном, — оставив Шкулева на попечении Румянцева, которому я поручил дожидаться выздоровления или смерти Шкулева и затем выехать с чукчами на м. Шелагский. На одного конюха у нас было 14 полудиких лошадей, отдохнувших за время более двух недель и на половину забывших свою недолговременную выучку, и грузов на 8 лошадей, так что обязанности конюха пришлось взять и мне и вести четыре вьючных лошади. Во время передвижения М.Я. Кожевников не мог идти в счёт, так как всё время вёл съёмку, и единственное, что можно было ему поручить — это вести двух запасных лошадей. Двинулись мы с некоторой неуверенностью, но дело пошло лучше, чем ожидалось. Навьючить лошадей на таборе нам помог Румянцев, который и проводил нас вёрст на 10, но с первого же ночлега мы шли уже совершенно одни. Всю работу на таборе мы по-братски делили на троих. Утром все вместе шли ловить лошадей, за которыми приходилось иногда побегать, хотя лошади всегда были в путах, седлали их и затем вьючили, стараясь как можно менее делать шуму, что действительно и было наилучшим средством справиться с пугливыми животными. Наших сил хватало, можно сказать, в обрез, так как для вьюченья нужно двух человек, а третьему приходилось держать в это время лошадь за голову, чтобы помешать ей брыкаться и кусаться. Вечером у нашего Митрофана всегда было много дела с починкою сбруи, сёдел и другими работами по специальности, так что мы брали на себя всю лагерную работу, до устройства ночлега для Митрофана включительно. Таким образом, у нас всё шло благополучно, если не считать потери двух лошадей на третьем ночлеге, освободившихся ночью от пут и утром умчавшихся по нашей дороге назад, и мы потихоньку шли вперёд, тем более, что южный и юго-восточный берег Чаунской губы низменны, и я мог всецело быть конюхом, не отвлекаясь на геоло

Таблица 10.

1. Лагерь экспедиции у р. Янрагайвеям. 3/IX. На заднем плане возвышенности Шелагского мыса. Фото Толмачёва.

2. На ур. Конвеям 7/X. Приготовления к санной поездке. Фото Толмачёва.

гические работы. Дело изменилось, когда берега сделались возвышенными. Перед м. Росомашьим мы должны были остановиться табором, и я пешком исследовал его обнажения, тогда как М.Я. Кожевников одновременно верхом сделал съёмку этой части берега и привёл лошадь, на которой я с конца обнажения и вернулся на табор, так что назавтра мог уже проехать эти утёсы, не останавливаясь. На дальнейшем пути, отчасти благодаря уменьшению числа лошадей, отчасти благодаря тому, что они опять присмирели, не приходилось даже делать и этого, и Митрофан в таких случаях мог вести весь вьючный караван, М.Я. Кожевников — мою лошадь, а я шёл пешком у обнажений. Погода нам благоприятствовала, и, хотя стоял конец августа, можно было иногда забыть, что находишься в полярных странах. Снова появились комары, а местами стрекотание кузнечиков более напоминало южную степь, чем тундру. Около г. Певека нас догнали чукчи с выздоровевшим Шкулевым (Румянцев самовольно проехал напрямик на м. Шелагский с другим чукчей), и я мог теперь беспрепятственно заниматься своим прямым делом. И здесь нам местами приходилось отходить от берега из-за впадавших речек, но все это были каменистые речки, где мы вскоре находили брод, и тех задержек, как на западном берегу Чаунской губы, здесь совершенно не было. Интересно, что через эти речки я находил брод и вёл караван скорее и лучше, чем наши конюхи, привыкшие к тундровым речкам. 2-го сентября мы дошли до р. Янрагайвеям вблизи Шелагского мыса, где были сложены наши грузы, доставленные на байдарках, и поблизости стояли наши ламуты с оленями (наш лагерь здесь — таблица 10, рис. 1). Э.Ф. Вебер проплыл далее к Шелагскому мысу, определился там и в день нашего приезда обогнул на случайно нанятой байдаре Шелагский мыс, имея в виду передвинуться таким путём до устья р. Веркона, чего, однако, не удалось сделать, так как льды не пустили его далее ур. Койвеям, откуда мы потом и двинулись к востоку на собаках. М.Я. Кожевников назавтра же двинулся с Румянцевым пешком в обход Шелагского мыса, а у меня было много хлопот с приплывшими к нам на стан чукчами о найме собак. Пять нарт до м. Рыркайпий удалось нанять сразу в один день, но с этим количеством мы не могли ещё ничего поделать, так как, помимо всего, собаки были изнурены голодовкою вследствие очень плохого промысла этого лета, и мы не могли рассчитывать на обычную

нагрузку нарт, да и двинуться на собаках могли думать, только подкормив их, для чего я убил несколько оленей и лошадей. Вывести последних обратно было мало надежды, и я их, скрепя сердце, обрёл на корм собакам. Собрать собак ещё казалось почти невозможным. Между тем погода резко изменилась. Опять потянул резкий норд-вест, выпал снег, и всё показывало, что лету конец и что летние способы передвижения пора начинать ликвидировать. Пробриться в байдарках к востоку не было возможности, и мне хотелось лишь дойти с лошадьми и оленями до р. Веркон (Кейвеям), чтобы устроить там небольшой склад собачьего корма, так как, по слухам, и впереди была голодовка.

Собирая всюду собак, я в то же время старался всеми силами сократить наши грузы и оставить возможно меньше людей. Двинувшись с р. Янрагайвеям, я оставил там одного ламута и казака Киприянова с коллекциями и частью грузов, которые, хотя ценою известных лишений, можно было отправить обратно. Киприянову это поручение было, по видимому, весьма приятно, так как он, как и другие наши люди, кроме переводчика Бережного, вообще представлявшего счастливое исключение, с ужасом думал о дальнейшем пути к востоку. Также и Румянцев заявил, что он далее не едет и остаётся на м. Шелагском, откуда «как-нибудь выберется». Пригрозив, однако, с одной стороны карами за нарушение контракта и за самовольное оставление экспедиции, с другой пообещав сделать распоряжение об устройстве его семьи на Колыме, я заставил Румянцева идти с нами далее, первым следствием чего было, что один из чукчей — «друг» Румянцева, т.е. ведущий с ним торговые дела, до сих пор и слышать не хотевший о поездке к востоку, немедленно подрядился и даже до самого Носа, т.е. до м. Дежнёва. Румянцев, решивший вернуться с Шелагского мыса, успел, очевидно, уговорить его не наниматься к нам, рассчитывая на его собак. Ещё одну нарту собак я получил от другого чукчи, который сам, схоронив недавно отца, в течение года, по чукотскому обычаю, никуда не мог ездить, и одну нарту позднее нанял на ур. Койвеям. Затем всякими правдами и неправдами удалось купить несколько собак и составить ещё одну запряжку, так что у нас набралось, наконец, девять нарт, с которыми мы могли двинуться. Наша нарта состояла, правда, частью из старых собак, частью из очень молодых — щенят — и не могла считаться даже за среднюю. Но всё-таки и эти собаки могли везти несколько пудов с человеком, да я, зная о плохих

промыслах впереди, имел в виду этими собаками, в случае нужды, подкормить и прочих. За нанятых нами собак мы платили, как и ранее за байдары, самыми различными товарами и вещами. В уплату шёл чай, табак, сахар, котлы и чайники, шкуры росомах, которые я закупил в Якутске, песцов, которых успел наменять летом у чукчей же, винчестеры, которые я должен был привезти «с Носу», и т.п.

Пока не наступила ещё зима, а с нею и возможность двинуться в путь дальше, я успел исследовать Шелагский мыс и пройти с М.Я. Кожевниковым берегом до Койвеям, где ждал нас Э.Ф. Вебер и где я нанял последнюю нарту и вернулся обратно на м. Шелагский 20-го сентября уже по замёрзшему морю, хотя и пробуя прочность льда всё время ножами. Моё желание продвинуться ещё до зимы до устья р. Веркона (Кейвеям) не осуществилось. Олени были слишком измучены и слишком уже в небольшом числе, чтобы рисковать ими, так как с ними должны были вернуться на Колыму наши ламуты, казак и двое конюхов со всеми лишними грузами и коллекциями, да и со стороны моих товарищей я не встретил большого рвения пробиваться к востоку без меня, мне же необходимо было остаться на м. Шелагском, чтобы дожидаться собак. Поэтому отсюда я отправил остатки нашего оленьего каравана обратно, а лошадей, верой и правдой послуживших нам целое лето, мы перестреляли частью на Койвеям, частью на м. Шелагском на корм собакам.

Ещё на Чауне и при найме чукчи обещались двинуться с нами, как только море замёрзнет у берегов. Момент этот уже наступил, а чукчи ещё и не думали собираться в дорогу. Я с Бережновым, живя на м. Шелагском, всячески старался ускорить дело, так что даже нанимал чукчей помочь устроить у моих подводчиков зимние жилища, но только 7-го октября мне удалось заставить двинуться чукчей, всё время ожидавших нескольких безветренных дней, в это время года далеко не частых, чтобы перекрыть свои жилища, без чего они решительно отказывались ехать. Все наши девять нарт собрались, наконец, на ур. Койвеям (таблица 10, рис. 2), и 8-го октября мы окончательно двинулись к востоку. Чукча, у которого я нанял здесь собак, при условии, что он мне даёт не менее 10 собак, немного корму для них, нарту в полном порядке и подводчика, далеко не выполнил своего условия. Собак было всего восемь, корму ни куска, нарту пришлось ещё налаживать, а подводчик катего-

рически отказался ехать, заявив, что хозяин собак просил его согласиться на эту поездку только для виду в его присутствии, и что поездка эта ему, частью потому, что у него хворает жена, частью потому, что он хромой, совершенно не подходит. Видя, что как наши чукчи, так и жители ур. Койвеям с напряжённым вниманием присматриваются, как разыграется эпизод, и боясь, что моя уступчивость в этом случае может иметь совершенно нежелательные последствия и явиться соблазном и для других наших подводчиков, я повернул дело круто, заявив, что раз собаки мною наняты, я их беру и буду каюрить сам. За обман же и за отказ подводчика собаки не будут возвращены их хозяину, тем более, что я заплатил за пользование ими дороже, чем они могли стоить. Чукчи признали такое решение вполне правильным и как наши подводчики, так и те, с которыми об этом приходилось говорить позднее, единогласно подтверждали, что иначе в этом случае я поступить не мог. На нарте, взятой на м. Шелагском «в тело» ехал переводчик Бережнов, у М.Я. Кожевникова каюром был Румянцев, Э.Ф. Вебер ехал с чукчей, а пять остальных нарт шли под грузами — одну почти целиком взял чум и палатка. Нарты были нагружены сравнительно легко, хотя мы захватили с собой ещё, сколько могли, лошадиного мяса, но изнурённые собаки везли плохо, да и дорога была неважная, на льду выступал «рассол» и часто ехать приходилось не больше, чем бежать рядом с санями. Как бы то ни было, мы двигались вперёд со скоростью, о которой не могли ранее и мечтать, и дневные переходы, несмотря на короткие дни, достигали иногда (со съёмкой) сорока и даже более вёрст. От ур. Конвеям до ур. Этонник мы должны были рассчитывать для корма собак только на свои запасы, а их мы имели очень немного; единственное жильё на дороге здесь — ур. Эччуннин известно почти постоянными голодовками и, несмотря на все старания, нам удалось добыть здесь лишь немного тюленьего жира. Между Эччуннином же и Этонником зимою полная пустыня, а нам здесь предстояла ещё съёмка глубоко вдающейся в материк губы. Чтобы уменьшить число собачьих ртов, я отправил три нарты с частью грузов напрямик на ур. Этонник, а вглубь губы двинулся лишь с шестью нартами. На беду здесь насхватила пурга, и мы скормили собакам уже почти все наши запасы, так что на корм пошла одна из наших собак, подошедшая после третьего перехода. Чукчи зароптали и начали поговаривать о возвращении обратно, и я не знаю, сумел ли бы

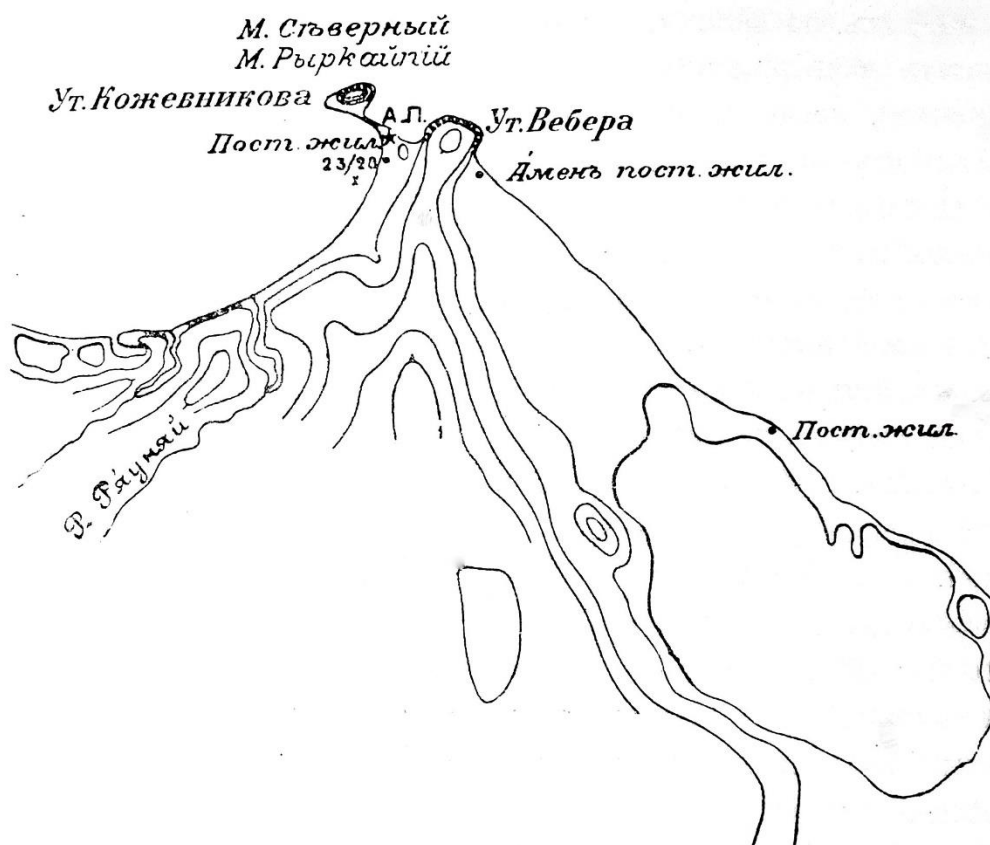
их удержать, если бы пурга продолжалась не один, а несколько дней. Вопреки обещанию, они не захватили с собою мяса и для себя лично, мы его также имели в обрез и много давать не могли, а одни сухари их не удовлетворяли. Когда мы на этом трудном и тревожном переезде убили росомаху, то только часть её мне удалось оттягать для собак, остальное же съели подводчики. О том, что будет впереди, мы ничего определённого не знали. Тревожно мы подъезжали к ур. Этонник, и встретившись перед ним чукчи увеличили эту тревогу. Промысел был плох здесь и впереди, кормов нет, ожидалась голодовка. Уехавшие вперёд наши подводчики проехали ещё дальше, чтобы найти впереди место подкормить уже опять сильно изнурённых собак. Я велел переводчикам добывать корм за всякую цену (у нас был с собой табак, чай, оленье шкуры, песцы, росомахи), не останавливаясь даже перед обещанием спирта. Кроме того, по совету переводчиков, мы решили останавливаться не в своём чуме (о котором представление даёт рисунок 2 на таблице 10), как делали до сих пор, а в пологах чукчей, переходя таким образом на положение гостей и обязывая их до известной степени к гостеприимству, хотя и далеко не бескорыстному, которое нам нужно было, главным образом, для наших собак. К этому нас побуждало и очень малое количество плавника по берегу, местами отсутствовавшего на десятки вёрст, хотя обернуться мы ещё могли бы, собирая дрова для ночлега во время дневного переезда и пополняя их недостаток подогреванием нашей печки тюленьим жиром и спиртом. Но вопрос о собачьем корме решил вопрос о жилье, и на ур. Этонник мы приехали прямо «в гости» к чукче Эре, причём часть наших подводчиков проехала ещё вёрст на 10 далее, чтобы распределить кормёжку между несколькими хозяевами. Как ни жался Эра с кормом, он немедленно достал свои запасы моржового мяса, нарубил его на куски и самолично, по чукотскому обычаю, принялся кормить собак гостей. При виде этой картины я вздохнул свободно — первый раз с той поры, как задумал поездку на собаках. Насколько я знал побережье, впереди вряд ли могло быть хуже, по крайней мере везде, а следовательно была надежда прокормить собак и проехать вперёд.

От ур. Койвеям съёмку вёл ещё М.Я. Кожевников, но за два переезда до ур. Этонник он не мог продолжать её далее, и эту работу взял на себя Э.Ф. Вебер, начав съёмку немного ранее т.н. «избы Шалаурова» — места трагической кончины этого отважного мореплавателя — и доведя её до

мыса Сердце-Камень. Так как лишний человек в наших условиях был в тягость, было решено, что М.Я. Кожевников возвратится на м. Шелагский возможно скорее, но удалось это выполнить только на ур. Рыркайпий, откуда он двинулся обратно на двух нартах с наиболее уставшими, негодными уже для дальнейшего пути на восток, собаками. Мы ехали теперь совершенно по-чукотски, т.е. от посёлка к посёлку, раз расстояния между ними были не менее 30 вёрст. Но часто они бывали и больше, и тогда было очень трудно со съёмкой. Приходилось иногда делать днёвки и на завтра возвращаться доделывать неоконченное. Хуже всего было то, что составить представление о величине предстоящего переезда, даже по сравнению со сделанным, было чрезвычайно трудно. Психика чукчей в этом отношении весьма своеобразна, и мы, расспрашивая их, получали иногда такие данные, что потом только изумлялись; русские же переводчики путь наш знали лишь в общих чертах. Рабочий день становился всё короче и короче, а мы не могли выезжать из-за съёмки ранее рассвета, чем сильно отличались от чукчей. Те, наоборот, предпочитают выезжать за несколько часов до рассвета, с тем, чтобы на предположенный ночлег приехать совсем засветло, и наш способ движения им очень не нравился, как и то, что мы распределяли маршрут по-своему, ехали вдоль берега, а не напрямик, иногда возвращались, ночевали не там, где им хотелось, дневали, когда по их мнению можно было ехать, и т.п. По этим или по другим причинам, начались неудовольствия, о которых я узнавал косвенно через своего переводчика, а непосредственно до меня эти неудовольствия дошли лишь на ур. Рыркайпий, где задержанные частью недоконченной съёмкою, частью задувшими пургами, мы просидели несколько дней. Ко мне здесь явилась своего рода депутация, начавшая речь об усталости собак, о бедности побережья кормами, о том, что за корм нужно платить (что мы делали всё время), и что им нужно иметь платёжный товар на руках. Затем был поднят разговор о плате, которую они хотели бы взять за обратный путь с м. Дежнёва. Зная уже теперь чукчей, я спокойно, но твёрдо заявил, что разговор о возвратном пути преждевременен, а что корм для собак всегда будет и что, конечно, одаривать за него буду только я сам. Инцидент этим был исчерпан, хотя чукчи и потерпели здесь неудачу в попытке подобраться к нашему запасу спирта, чаю, табаку и т.п. Мы также

были недовольны нашими чукчами потому, что среди подводчиков, которых я отправил с ур. Эччуннин вперёд с грузами, оказались воры, выкравшие то, что было теперь всего дороже, именно, половину запаса наших сухарей, о чём мы узнали только на ур. Рыркайпий, когда начали делить с М.Я. Кожевниковым припасы.

М. Рыркайпий или Северный оканчивается двумя обособленными безымянными утёсами, которые я назвал в честь моих товарищей по экспедиции — западный «утёсом Кожевникова», восточный — «утёсом Вебера», как это показано на прилагаемой выкопировке из нашей съёмки. Утёс Кожевникова изображён, кроме того, на рисунке 1 таблицы 11. где он снят, приблизительно, с юго-востока. М. Рыркайпий является важным населённым пунктом Чукотского побережья и в истории нашей экспедиции играл большую роль. Для моих спутников это был предельный пункт, откуда М.Я. Кожевников, во время движения экспедиции к востоку, должен был возвратиться на м. Шелагский и Колыму, а позднее отсюда же Э.Ф. Вебер возвратился на м. Дежнёва, где дождался пароходов.

Мыс Рыркайпий по съёмке экспедиции. (В 1 дюйме 5 вёрст).
А.П. — место астрономических наблюдений экспедиции.

С ур. Рыркайпий мы двинулись в один и тот же день 27-го октября — в различные стороны. М.Я. Кожевников пошёл на двух нартах, тяжело нагруженных собранными им этнографическими коллекциями, вследствие чего, а также и из-за усталости собак, ему бóльшую часть пути пришлось, как я узнал позднее, идти пешком, да и то передвигаясь лишь небольшими переходами. К тому же начались пурги, и как он, так и мы с Э.Ф. Вебером, местами должны были из-за них сидеть. В общем же, если не считать разных мелких случайностей и постепенно увеличивавшихся неудовольствий с чукчами, всё шло прекрасно. Э.Ф. Вебер быстро освоился со съёмкой, и переезд в 40 и даже более вёрст не представлял для него трудности. Правда, мы должны были отказаться от съёмки многочисленных лагун побережья, но это было сделано столько же из-за недостатка времени, сколько и из-за невозможности сделать эту съёмку сколько-нибудь прилично. В начале осени или, точнее, зимы нам много огорчений было с астрономическими наблюдениями. Нередко в великолепные тихие звёздные ночи, когда была полная надежда иметь серию астрономических наблюдений, после работы целой ночи ничего не получалось. В воздухе было так много влаги, что не только металлические части инструмента и его стёкла, но даже и дерево штатива покрывалось сплошной изморозью, приводившею нас прямо в отчаяние. Во второй половине октября это окончилось, и астрономические наблюдения шли беспрепятственно. Другой жгучий вопрос о собаках так же был более или менее устранин. Нам, во-первых, удалось прикупить дорогою две-три собаки, хотя и неважных, а, главное, постепенно переменить почти всех экспедиционных собак, уже совершенно измученных, на свежих. На обратном пути мы должны были возвратить взятых собак и получить своих уже отдохнувшими. Курьёзно, что наши подводчики были на нас в претензии, что мы хлопчем о смене только наших собственных собак и не думаем о нанятых. Подкладкой этого, впрочем могло быть и то, что такая смена собак представляет одолжение, решительно ничего не стоящее тому, кто его делает, и обычно производится среди инородцев весьма охотно бесплатно. С нас брали за эту услугу, что хотели, но из-за этого наши подводчики не могли уже в свою очередь сменять своих собак, так как число собак, пригодных для такого обмена в каждом посёлке, вообще всегда было ограничено, и мы их, ко-

нечно, и перехватывали, благодаря плате. Кроме того, мы скоро заметили, что шелагские чукчи далеко не в фаворе у жителей восточного побережья. Со многими из последних у них были долговые и даже кровавые счёты, и некоторые из наших подводчиков вдруг отказывались ехать далее, боясь того или другого чукчи, и решались на это только в надежде на наше покровительство, в силу которого они почему-то сильно уверовали.

11-го ноября мы добрались до м. Сердце-Камень, где прожили до 15-го ноября, чтобы наблюдать лунное затмение 14-го ноября. Здесь мы нашли американца Wall'а, о котором я слышал ещё в Петербурге, и который давно уже торговал на Чукотском полуострове, в шлюпке доходил до Шелагского мыса, где его затёрло льдами, был на Колыме, испрашивал концессию на производство горного промысла в Колымском округе и дозволение вести там торговлю. Это был простой проспектор золотопромышленной компании, человек почти без средств, живший теперь у богатого чукчи, на дочери которого он был женат. В громадной яранге своего тестя эта пара помещалась в отдельном небольшом пологе, где жила самостоятельным хозяйством, и где поместили и нас. От Wall'а мы получили сведения о транспорте «Шилка», который в поисках экспедиции доходил до м. Сердце-Камень. На этом переезде я был вынужден отказаться от весьма для меня интересного исследования Колючинской губы. По самому скромному подсчёту объезд её и съёмка потребовали бы в это время года около двух недель. Весь корм для собак было бы необходимо везти с собою, а взять его было решительно негде, и наши чукчи, как я опять узнал стороною, уже давно поговаривали, что в «губу» они нипочём не поедут. Уже на ур. Рыркайпий я видел, что эта поездка не состоится, и оставил там наш чум, а вскоре после этого, не желая выпускать инициативы изменения плана работ из своих рук, я сам первый объявил чукчам, что в «губу», вследствие позднего времени года, не поеду.

У м. Сердце-Камень, да и западнее море замёрзло ещё далеко не сплошь. Так у м. Оньман мы видели с горы полынью, конца которой рассмотреть я не мог. Там нам это не доставляло никаких затруднений, но от м. Сердце-Камень путь по морю, во многих случаях идущий под круто обрывающимися в море утёсами, был совершенно недоступен, и нам приходилось ехать горами, выезжая к морю лишь вблизи ночлегов. Так

как расстояния между переездами были всё время весьма значительны, а погода неблагоприятна, то съёмка здесь сделалась почти невозможной, и мы её прекратили у м. Сердце-Камень, где, к счастью, удалось хорошо определиться астрономически. По той же причине потеряли всякую систематичность и связность и мои геологические работы. Эта часть берега, впрочем, снята во время плавания клипера «Разбойник» в 1884 году, а нам удалось дать для этой съёмки отсутствовавшие астрономические пункты. Что же касается геологии, то здесь имелись хотя и отрывочные, но современные наблюдения К.И. Богдановича, да, кроме того, и вообще эта часть района нашей экспедиции являлась наиболее доступной для путешественника. Таким образом, не задерживаемые работами и только раз захваченные пургою, мы 19-го ноября прибыли на пост Дежнёв, где нас радушно встретила небольшая русская колония в лице врача Е.Е. Беттака, представителя торгового дома Чуриных Т.И. Марченко и трёх стражников, один из которых был приказчиком у Т.И. Марченко. От этого маленького русского посёлка самый мыс Дежнёва лежит к северу, поднимаясь высокою округлою горою (таблица 11, рис. 2). Самый посёлок имеет культурный вид, как показывает рис. 2 таблицы 1, где экспедиция во всём составе снялась перед магазином торгового дома Чуриных. Мы прожили здесь до 5-го декабря, задержанные частью пургами, частью болезнью Э.Ф. Вебера, а, главным образом, необходимостью нанять новых собак, так как наши чукчи на завтра же после приезда заявили мне, что желают ехать обратно, и немедленно двинулись в путь, даже не поднимая разговора о подряде в обратный путь. Только действительно накопившееся неудовольствие могло их побудить к такому совершенно необычайному для них приёму. Нанимая чукчей, я боялся другого, так как они говорили мне, что, приехав на «Нос», они всегда дают, примерно, около месяца отдыха своим собакам. Один из чукчей был подряжён мною и на обратный путь, но товарищи отговорили ехать и его. Вообще вся эта история была малопонятна и самим чукчам, по крайней мере, позднее, проезжая той же дорогой обратно, мне не раз приходилось узнавать, что над нашими чукчами, возвращавшимися с «Носу», пустыми без всяких товаров, немало подсмеивались и всё узнавали от нас, что вышло. Кроме того, когда я на обратном пути снова был на м. Шелагском, меня там встретили самым дружественным образом те же самые подводчики, которые бросили нас на м.

Дежнёва. Как бы то ни было, нам пришлось здесь искать собак, так как со своими тремя нартами, притом неполными, мы никуда не могли двинуться. Ближайшие жители доставить нам собак не могли, а более дальних задерживала та же пурга, что и нас, так что только после большой потери времени мы нашли четыре нарты и 6-го декабря могли двинуться с м. Дежнёва.

Назад мы ехали скорее, чем в передний путь, так как наблюдениями в пути не занимались, и единственной работой были ещё астрономические наблюдения, когда позволяла погода. Мы вполне подчинились чукотским порядкам, выезжали задолго до рассвета, ехали обычной дорогой. Всё побережье теперь было нам знакомо и всюду и везде нас встречали дружелюбно. Непогоды задерживали также мало, и 24-го декабря мы снова были на ур. Рыркайпий, где, однако, не нашли заготовленных для нас собак.

Возвращавшемуся М.Я. Кожевникову я поручил, дождавшись на м. Шелагском заказанных с Колымы собак, с двумя нартами выехать на Колыму, а остальные четыре отправить нам навстречу на ур. Рыркайпий, где они и должны были нас дожидаться, и докуда я и подрядил теперь собак на мысе Дежнёва.

Предполагая, что собаки запоздали, мы решили их ждать и в томительном ожидании просидели ещё три дня. За это время с запада пришли чукчи, но не принесли никаких вестей о наших подводчиках. Я всеми силами пытался уговорить привёзших нас сюда чукчей провезти нас хоть до ур. Этонник, но они говорили, что собаки настолько измучены, что даже для обратного пути придётся дать им отдых. Немало влияли на отказ и весьма печальные слухи, что по всему побережью западнее ур. Рыркайпий не было осенью промыслов, и стоит голодовка. Нанять собак здесь также не удалось, так как налицо была всего одна нарта, соглашавшаяся нас везти до ур. Этонник, все же остальные собаки были в разъездах. Отсутствие собак с Колымы было мне совершенно непонятно, и невольно являлось предположение, что тут скрывается что-то нам неизвестное, быть-может, крупное несчастье. Поэтому я решил на своих собаках двинуться на м. Шелагский, узнать там, в чём дело, и в случае необходимости проехать далее на Колыму. Отправить вперёд Э.Ф. Вебера я не мог по многим причинам и прежде всего

уже потому, что, благодаря хронометрам и инструментам, он был значительно тяжелее меня. Затем ему необходим был каюр, а я ехал сам. Он, пожалуй, добрался бы до м. Шелагского, так как одну нарту собак, быть может, ещё удалось бы принанять, но дальше с нашими средствами ему проехать уже не было бы возможности, так как ради хронометров необходимо было вести с собою чум. Да я не мог и рассчитывать на распорядительность и на то, что Э.Ф. Вебер сумеет сладить с колымчанами

28-го мы двинулись с Бережновым с ур. Рыркайпий. К нам присоединился чукча, ехавший с нами с о. Колючина на четырёх собаках, в надежде, встретив вышедшие нам навстречу нарты, купить себе нескольких собак. Мы отдали ему часть своих собак и таким образом составили три нарты, очень тяжело нагруженных, так как мы взяли с собою и чум, нам хотя и ненужный, но который мы должны были довести до ур. Этонник, чтобы хоть для части пути облегчить груз Э.Ф. Вебера. Этот же чукча, возвращаясь с м. Шелагского, должен был привезти Э.Ф. Веберу и точные сведения о всех делах. Ехали мы не торопясь, надеясь каждый день встретить собак. В то же время, не зная ещё, придётся ли ехать на Колыму, мы берегли силы животных и даже в одном месте сделали днёвку, чтобы подкормить их у богатого чукчи. Иные днёвки были вынуждены, так как в конце декабря и первой половине января дули сильные пурги. Наш маленький караван на середине переезда до ур. Этонник увеличился ещё одним чукчей, который, в той же надежде добыть собак, присоединился к нам и взял часть грузов на свою нарту, так что теперь мы поехали быстрее. На ур. Этонник я нанял две нарты, которые должны были пойти к Э.Ф. Веберу на ур. Рыркайпий, чтобы помочь ему выбраться хотя бы до сюда.

Только на ур. Эччуннин я получил известие, очень нас поразившее, что собаки не дождались нас и ушли обратно, а на м. Шелагском узнал все подробности из писем М.Я. Кожевникова. Последний на м. Шелагском прожил более месяца и перенёс вместе с жителями голодовку, питаясь чем случилось. Собаки с Колымы пришли 16-го декабря без запасов корма, с обязательством ждать нас всего две недели. Когда М.Я. Кожевников начал посылать их к нам навстречу, они наотрез отказались, и на убеждение их без всякого результата он потратил целую неделю. Тогда он выехал на Колыму, чтобы поправить как-нибудь дело и нанять

новых собак. Оставшиеся же подводчики просидели ещё неделю и спокойно вернулись обратно, получив за эту прогулку по сто рублей за нарту. Вообще, эта поездка, которую на Колыме громко называли «спасательной экспедицией», показала колымчан далеко не с красивой стороны. Нам говорили позднее, что найти нарты на Колыме можно было лишь с большим трудом, а между тем с заказанными нами нартами пришла одна чужая — купеческая, воспользовавшаяся компанией для торговли. Приехав на м. Шелагский, подводчики немедленно занялись продажей собак и, несмотря на протесты М.Я. Кожевникова, продали не менее 25 собак, т.е. целых две нарты. Зная, что у нас есть свой запас корма на м. Шелагском, эти нарты почти не взяли с собой корма для собак и прежде всего истребили наш. Им было поручено доставить для нас ржаного хлеба, рыбы и т.п., конечно, не в избытке; частью всего этого они распорядились по своему усмотрению, никого не спрашивая.

На м. Шелагском, когда мы приехали туда, дела стояли совсем плохо. Тюлени ловились редко, чукчи жили уже впроголодь, и в самом ближайшем будущем предвиделась настоящая голодовка. Только при нас выяснилось, что днях в 3-4 пути стоят оленные чукчи, и почти все мужчины начали собираться в своего рода экспедицию за оленьим мясом. Жить при этих условиях на м. Шелагском, ожидая, с одной стороны, приезда Э.Ф. Вебера, с другой — собак с Колымы, не было возможности, имея на руках около трёх десятков собак. Хорошо ещё, что, предвидя события, мы, сколько могли, закупили корму там, где это было возможно по дороге, а немного тюленьего жиру и мёрзлой крови мы успели купить и на м. Шелагском. Затем мы отказались в пользу собак от большей части завезённой нам рыбы и, как последний ресурс, разыскали лошадиные головы, брошенные колымчанами, и срезали с них все мягкие части. Таким путём мы набрали корму более чем на неделю и с этим запасом, просидев на м. Шелагском несколько дней за сборами и пережидая пургу, 18-го января двинулись вдвоём на Колыму. На девятый день мы благополучно прибыли в Сухарное, где застали ещё людей, не имея уже ни крошки собачьего корма и очень скудные личные запасы. Нас ни разу не задержала пурга, дорога была твёрдая, свежего снегу было очень мало, и только благодаря стечению всех этих благоприятных обстоятельств мы могли сделать благополучно этот трудный переезд. С Бе-

режновым мы уже давно ехали как хорошие товарищи и теперь по-братски делили с ним труд, стол и спальный мешок, так что этот переход, несмотря на всё, был, быть может, одним из наиболее приятных. У Большой реки мы встретили две нарты, шедшие навстречу Э.Ф. Веберу, от которых узнали, что за ними идут ещё две нарты (с этими мы позднее разминулись), так что я мог быть спокоен за судьбу оставленных товарищей, в распоряжение которых с м. Шелагского мною была послана ещё одна нарта, оставленная там колымчанами, как собственность Румянцева.

Из Походска я поехал уже пассажиром на собаках, совершенно не походивших на наших измученных, изголодавшихся псов, и, миновав Нижне-Колымск, 5-го февраля приехал в Средне-Колымск. Здесь встретил меня со слезами на глазах М.Я. Кожевников, только что, как оказалось, оправившийся от чесотки, вывезенной им от чукчей. Один взгляд на него сказал мне, как много он перенёс и выстрадал физически и нравственно. Из Средне-Колымска мы выехали 11-го февраля. В отличие от прошлогоднего переезд был теперь великолепно подготовлен, и в Якутске мы были уже 26-го февраля, не узнавая дорогой ни станций, ни их содержателей, сделавшихся теперь иными людьми. В Якутске нам пришлось пробыть до 8-го марта, и накануне отъезда мы получили известие из Средне-Колымска, что Э.Ф. Вебер, не дождавшись собак, вернулся на м. Дежнёва с теми-же чукчами, что привезли нас оттуда на м. Рыркайпий. Мне доставили и его письмо, вывезенное Румянцевым, который выехал со всеми грузами. Просиди Э.Ф. Вебер на ур. Рыркайпий ещё несколько дней, он бы получил собак и, как показало письмо, вывезенное с Румянцевым, мог бы догнать нас в Якутске. Несмотря на это письмо, мне совершенно не были ясны причины, заставившие Э.Ф. Вебера повернуть обратно, не дождавшись даже возвращения колючинского чукчи. Я не мог забыть того, что во время пути Э.Ф. Вебер не раз прихварывал, а на м. Дежнёва у него был даже лёгкий нефрит, и теперь мог опасаться всего самого худшего. К счастью, эти опасения не оправдались, но узнал я об этом, только получив в июне от Э.Ф. Вебера телеграмму с м. Дежнёва через Nome.

3-го апреля мы прибыли с М.Я. Кожевниковым в Петербург, через 13 месяцев после отъезда. Э.Ф. Вебер вернулся через Владивосток в августе месяце.

Экспедиция снарядилась и прошла при исключительно неблагоприятных условиях. Позднее решение вопроса о том, быть или не быть экспедиции, поспешные сборы, поздний выезд из Петербурга, полная неподготовленность проезда экспедиции до места начала работ, вследствие чего она была захвачена весенней распутицей и сильно опоздала, можно сказать, уже предопределили неуспех экспедиции и делали даже возможность её осуществления сомнительной. К этому присоединилось и то, что на местах экспедиция оказалась подготовленной самым жалким образом и, самое главное, почти не имела перевозочных средств, обладая очень небольшим числом в значительной степени никуда не годных изнурённых оленей, совершенно недостаточным числом саней, сёдел, лямок и другой упряжи, не говоря уже о том, что нанятые люди были вообще совершенно не заинтересованы в движении экспедиции, частью были непригодны для такой работы, а иногда даже вредны, и лишь двух-трёх из них можно было назвать работниками. В общем, уровень личного состава был таков, с которым редко приходится иметь дело путешественнику, и во всяком случае много ниже среднего. В силу всего этого, каждый шаг вперёд стоил много забот и труда. На переезде до Колымы возможно было считать за удачу, что мы успели пробраться туда всё-таки в начале лета, а не употребили на этот переход всё рабочее время. Во время экспедиции нам всё время грозила опасность застрять на месте и быть вынужденными ждать зимы, чтобы выбраться обратно. В этом смысле приход на р. Чаун и в особенности на м. Шелагский были в наших условиях уже крупной победой, так как мы дошли до собачьих чукчей, у которых и удалось найти помощь для движения к востоку, хотя по первоначальному плану в начале сентября мы должны были быть уже на берегах Берингова пролива. Налаженная всецело нашими собственными силами санная часть экспедиции прошла наиболее гладко и удачно, хотя и пришлось ехать на истощённых летней голодовкой собаках и во многих случаях страдать от недостатка корма. И здесь, однако, бывали тяжёлые моменты, главным образом, вследствие полной зависимости от чукчей, как местных, так и наших проводников. Всю дорогу приходилось, с одной стороны, всеми силами стараться заслужить расположение чукчей, по характеру своему грубых материалистов, даря и угощая их чем было возможно, не останавливаясь даже пе-

ред такими подарками, как спирт, и всеми силами стремясь оставить позади себя хорошее впечатление; с другой — делая всё это, необходимо было поставить себя так, чтобы не дать заметить этого чувства зависимости, не допустить вымогательств, которые дальше известного предела оказались бы невыполнимыми для нас, одним словом, сохранить положение господина и распорядителя передвижения.

Все эти условия чрезвычайно тяжело сказались на работах экспедиции и совершенно изменили план работ, сузив его до наибольшего предела. Экспедиция свелась к проезду и исследованию береговой линии от Колымы до м. Дежнёва, тогда как по первоначальным предположениям я надеялся исследовать побережье в широком смысле этого слова. Но при данных условиях мы должны считать себя счастливыми, раз могли вернуться с сознанием, что взятые на себя обязательства худо или хорошо выполнены.

Общие результаты экспедиции выражаются прежде всего в маршрутной съёмке пятивёрстного масштаба всего побережья, начиная от устья Колымы (маяк Лаптева) до мыса Чаплина, а также в съёмке от устья Большой реки до устья Чауна, через горы к западу от Чаунской губы. Съёмка опирается на 24 астрономических пункта, расположенных более или менее равномерно по всему маршруту. Съёмка велась путём непосредственного объезда или обхода береговой линии, и можно надеяться, что последняя нами уловлена довольно точно. Были, конечно, случаи, где приходилось поступаться этой точностью, где выработка всех деталей потребовала бы слишком много времени и всё-таки по условиям работы была бы почти недостижимой. К числу таких мест относится побережье Малого Чауна, где береговую линию пришлось показать схематически пунктиром. Аналогичные случаи имели место по побережью к востоку от Шелагского мыса, где мы ехали на собаках. Несмотря на снежный покров, береговая линия была видна отчётливо, и съёмка её никаких трудностей не представляла. Но, в общем, чрезвычайно простая до схематичности береговая линия в деталях представляется, однако, чрезвычайно сложной, благодаря массе лагун, открывающихся в море проливами в несколько десятков сажен, редко до версты шириною, а вдоль берега идущих растянутыми заливами, часто на много десятков вёрст. Если часть берега лагун, прилегающая непосред-

ственно к морскому берегу, обыкновенно хорошо обособлена, то с ограничением лагун вглубь побережья дело состоит совершенно иначе. Здесь в лагуне лежат низкие острова, мели, она разбивается на отдельные озёра, местами, по-видимому, сливается с болотами, и всё это снежным покровом превращено в одну общую белоснежную поляну. Только съезжая со льда на песок, галечник, травянистые участки или обратно, можно было заметить, что летом мы имели бы перед собою весьма разнообразны картины. Попытаться нанести на съёмку эти лагуны, хотя бы с точностью нашей работы, являлось, конечно, совершенно невыполнимой задачей и безнадёжным предприятием при большой потере времени. Поэтому я совершенно прекратил съёмку лагун. Благоприятным временем для такой работы была бы поздняя весна, когда снег на земле уже в значительной степени сходит, а лагуны ещё подо льдом, или же лето, когда эту съёмочную работу будет возможно выполнить на шлюпках. Как уже указывалось выше, мы должны были отказаться от съёмки Колючинской губы, а равно не имели возможности снять и часть побережья от мыса Сердце-Камень до м. Дежнёва. Наша съёмка примерно равна 2.550 вёрстам. Из них около 1.000 вёрст от маяка Лаптева до т.н. Шелауровой избы сняты М.Я. Кожевниковым, 750 вёрст от этого пункта до м. Сердце-Камень Э.Ф. Вебером в 1909 году. Э.Ф. Веберу же принадлежит съёмка к западу от Чаунской губы на переходе от устья Большой реки к устью Чауна (380 вёрст), а равно и съёмка берега Великого океана от м. Дежнёва до м. Чаплина (420 вёрст), сделанная им весной 1910 года.

Астрономические пункты определены, главным образом, Э.Ф. Вебером, два пункта на берегу Чаунской губы определены мною. Кроме того, Э.Ф. Вебером определено несколько пунктов во время переезда к Колыме, и мною в Средне- и Нижне-Колымске. На основании наших данных я привожу здесь только снятую нами береговую линию от устья Колымы до м. Дежнёва, нанесённую красною чертою на существующую 100-вёрстную карту. Съёмка Э.Ф. Вебера от м. Дежнёва до м. Чаплина для этой карты не могла быть использована. Составление подробной карты — дело будущего, когда можно будет подробно говорить и об изменениях, вносимых нами в картографию побережья. Во всяком случае, при всей своей неточности, карты здесь оказались значительно лучше

тех, с которыми мне приходилось иметь дело в других местах сибирского берега Ледовитого океана. Значительно придётся изменить гидрографию побережья восточнее Чаунской губы, где на картах, по съёмкам Врангеля, указан ряд рек, впадающих в море часто несколькими устьями. Из числа таких рек, не считая мелких ключей, здесь останется только одна — р. Омгувеям, устья же всех других представляют проливы, соединяющие лагуны с морем, которые и были приняты Врангелем ошибочно за речные протоки, продолженные им вглубь страны. На самом деле, в каждую лагуну впадает ряд речек, с которыми упомянутые проливы не имеют ничего общего. Нам удастся показать эти речки на карте только схематически, руководствуясь лишь распросными сведениями, собранными у чукчей. Чукчи оказались очень плохими географами, которых нельзя было и сравнивать с тунгусами, якутами, долганами, самоедами и другими северо-сибирскими инородцами. Те, когда говорили о своих районах — часто тысячах и десятках тысяч квадратных вёрст, казалось, всегда имели пред глазами свою, какую-то им одним видимую, карту, так отчётливы были все их представления. Чукчи же знали только маленькие участки — вернее, ряд своих маршрутов — и не имели почти никакого общего представления о стране и обнаруживали очень мало географического интереса, вернее совершенно не обнаруживали.

Вместе со съёмкою и отчасти для неё мы производили почти на всех астрономических пунктах определения склонения, пользуясь буссолью, полученною от Иркутской обсерватории. Взятая из Петербурга морская буссоль оказалась слишком громоздкой, а заказать более подходящий прибор в Петербурге не было возможности за полным недостатком времени. Этими наблюдениями занимался Э.Ф. Вебер, которому были также поручены и метеорологические наблюдения. К сожалению, зимние наблюдения неполны. Взятый нами психрометр Асмана оказался с термометрами, градуированными лишь на несколько градусов ниже нуля — недосмотр, обусловленный отчасти вообще спешностью сборов, частью же и тем, что мы рассчитывали только на летнее рабочее время. Взятые же нами термометры-пращи (один спиртовой) были разбиты ещё до зимы. Сделать большой запас этих термометров не было возможности, так как случайно их не оказалось около времени нашего отъезда в продажу в Петербурге. Вследствие этого зимою мы совершенно не

имели температур и могли определять их лишь по приблизительной со-
обща оценке. Кроме непосредственных метеорологических наблюде-
ний Э.Ф. Вебер наблюдал ещё в летнее и осеннее время температуру
воды в реках и речках, впадающих в Ледовитый океан на нашем пути.

Геологические наблюдения, в зависимости от времени, когда они
производились, конечно, также не одинаковой ценности. Восточнее Ше-
лагского мыса, несмотря на зимнюю работу, можно было всё-таки соста-
вить общее представление о геологическом строении местности, но
здесь встречались участки невысоких, но скалистых берегов, настолько
сильно засыпанные снегом, что изучение их по необходимости явля-
лось отрывочным. Наконец, строение части побережья, лежащей между
м. Сердце-Камень и постом Дежнёва, в силу вышеуказанных условий пе-
редвижения, могло быть осмотрено лишь местами. Эта часть побережья
является, однако, уже несколько исследованной предшествовавшими
нашей экспедициями, да и кроме того наиболее доступной частью Чу-
котского полуострова.

Этнографические наблюдения не входили в нашу задачу, и я вообще
не предполагал входить в близкие сношения с местным населением. Од-
нако, очень медленное движение, зимняя поездка по чукчам и с чук-
чами, вынужденные остановки у них, особенно продолжительные у
моих товарищей — Э.Ф. Вебера и М.Я. Кожевникова — заставили нас до-
вольно хорошо познакомиться с бытом этого племени.

По вопросу о состоянии льдов на море, о возможности или невозмож-
ности морского плавания у этих берегов, а равно и о необходимости
этого плавания, что являлось одним из основных вопросов экспедиции,
нам удалось собрать также довольно большой материал.

На всём своём протяжении «Чукотская земля», как в своё время
называлась часть северо-восточной Сибири к востоку от Колымы, отли-
чается большим однообразием как физико-географических особенно-
стей, так и геологического строения, а равно жизни и населения. Это
горная страна, понижающаяся в общем к западу — к Колыме и к северу
— к Ледовитому океану, но повышающаяся вглубь страны и к востоку
— до высот, достигающих 2000-3000 футов. Горы, однако, редко подхо-
дят к самому берегу, а обыкновенно отделяются от океана наносною бо-
лее или менее низкою полосой в несколько вёрст шириною, которая

время от времени прерывается каменными выступами-отрогами, отходящими от горной страны к океану, то в виде величественных гор, то небольших отдельных утёсов, то, наконец, в форме невысоких же скалистых берегов, тянувшихся на значительное пространство. Путешественнику все такие места рисуются в виде мысов, как они отчасти и вошли на наши карты. Нередко, действительно, это и есть мысы, в настоящем смысле этого слова. Во многих же случаях на съёмке береговая линия делает здесь едва заметный выступ в море, и мысами они кажутся с некоторого расстояния, когда лежащая между ними низменная часть берега почти ступеньвается в глазах наблюдателя. Наносные новейшие образования спрямляют береговую линию, выполняя заливы или вогнутости между мысами, и береговая линия была бы сильнее изрезана, если бы было возможно удалить эти наносные образования. Только в одном месте, именно между Чаунской губой и устьем Большой реки, полуостров Карчык, далеко выступающий к северу, сложен рыхлыми постплиоценовыми отложениями. Мысы, лежащие западнее, все скалистые и представляются высокими горами, то же самое относится и до Шелагского мыса. Отсюда к востоку мысы и скалистые берега, подходящие местами к океану, в общем очень невысоки, хотя горы, сплошной стеною идущие южнее, не ниже лежащих западнее или даже выше их. Скалистые берега снова повышаются у Колючинской губы, а в особенности от мыса Сердце-Камень. Начиная от этого мыса до мыса Дежнёва преобладают высокие скалистые берега, но всё-таки и здесь скалистые места разделяются наносными низменными. Эта постоянная смена скалистых берегов, часто спускающихся отвесными стенами в море, с наносными и, в большинстве случаев, низменными берегами является чрезвычайно характерной особенностью всего чукотского побережья. Но низменные берега далеко не одинаковы на всём побережье. Западнее Чаунской губы они сложены по преимуществу постплиоценовыми отложениями — тундровыми слоями, заключающими среди песчано-глинистых слоёв мощные залежи почвенного льда, прекрасные выходы которого встречены были вблизи Большой реки (таблица 8, рисунок 2), а также и западнее по берегу Ледовитого океана (таблица 9, рисунок 5). В более редких случаях постплиоцен представлен здесь песчано-глинистыми (таблица 9, рисунок 4), слоистыми отложениями, в которых местами встречаются мелкие раковинки моллюсков. Берега, сложенные этими

образованиями, невысоки, но всё-таки обыкновенно прияры. Восточнее Чаунской губы подобного рода постплиоценовые отложения, наоборот, встречаются скорее как исключение и в совершенно подчинённом виде, а весь низменный берег занят лагунами и песчано-галечными отложениями — выносами горных речек, которые морскими прибрежными течениями распределяются вдоль берега в виде громадных кос, с чем и связано образование лагун. Такие берега, в силу условий своего образования, никогда не бывают сколько-нибудь возвышенными и являются типично низменными. Размывание тех и других берегов идёт совершенно различно. Низменные косы восточной части побережья образуются при условиях, исключающих возможность их размывания, так как они представляют результат накопления галечного материала действием тех же волн, которые могли бы и размывать побережье. Кроме того, их материал очень груб и не может быть переносим во взвешенном состоянии. Другое дело постплиоценовые слои. Действие моря, с одной стороны, таяние льда, заключённого в них, и мерзлоты — с другой — быстро разрушают такие берега, которые как бы плывут в море — очень медленно, но безостановочно и в несколько десятков лет должны заметно менять свою конфигурацию. Тонкий материал этих отложений во взмученном виде может сравнительно далеко относиться волнами и отлагаться в виде отмелей, занимающих, например, у мыса Карчык и в особенности к северу от острова Айон громадные пространства.

Кроме Колымы, на всём исследованном нами побережье крупных рек нет, и большинство их представляет горные потоки, длиною редко, по-видимому, более 100 вёрст. Исключением являются, по-видимому, реки Большая, Кейвеям и, вероятно, Омгувеям, но уже и из них Большая река легко переходима вброд в нескольких десятках вёрст от устья.

Геологическое строение «Чукотской земли» просто и однообразно. Остов страны — вся её горная часть, со строением которой мы могли познакомиться частью по её выходящим к Ледовитому океану отрогам, частью при обходе Чаунской губы, сложена мощной толщей кристаллических, главнейше глинистых сланцев, связанных с известковистыми, переходящими в известняки, а также и с песчаниковыми разностями. Толща эта, по-видимому, более в общем однообразна в западной части исследованной местности и разнообразнее в восточной, хотя здесь наблюдения, по условиям, указанным выше, велись значительно

менее подробно и систематично. В настоящее время трудно ещё пытаться подразделить стратиграфически эту толщу или же утверждать, что она представляет одно нераздельное целое. Все её слои пока немые палеонтологически, и скольконибудь разобраться с ними будет возможно лишь после петрографического изучения отдельных членов и детального сравнения с более изученными и, по-видимому, аналогичными образованиями Америки. Точно также и о возрасте её трудно сказать что-либо определённое и лишь по соотношению с девонскими отложениями, встреченными мною на Колыме, можно приписывать ей до-девонский возраст. Вся эта толща сланцев прорезана штоками и жилами массивных пород. Характер берегов, сложенных по преимуществу сланцами, хорошо виден на рисунке 6 таблицы 9 и отчасти на рисунке 6 таблицы 7, где задняя плоская гора Большого Баранова мыса сложена сланцами, тогда как ближняя — гранитами, при выветривании образующими на вершине т.н. «кекуры», более крупно снятые на рисунке 4 той же таблицы. Проводник мой, едва заметный среди утёсов, даёт представление об их размерах. Главные штоки образованы гранитами и отчасти гранит-порфирами, жилы же порфирами, насколько можно судить в поле, весьма разнообразного петрографического состава и принадлежащими, по-видимому, по преимуществу, к бескварцевой и, быть может, щелочной группе. Возможно, что удастся отчасти разграничить изверженные породы и по возрасту. Кроме указанных пород местами наблюдаются также породы диабазовой группы. Характерные морфологические особенности берега, отмеченные выше, находят себе объяснение, по-видимому, в распределении изверженных пород среди сланцев. Именно в мысах и встречаются всегда мощные штоки гранитов, и горы, сложенные ими, оказывая более сильное сопротивление размыванию, чем сплошные сланцевые массивы, выдаются на береговой линии в виде более или менее крупных выступов. За этими древними отложениями идут девонские известняки, найденные мною на нижней Колыме и лежащие выше их там же сланцевые песчаники неопределённого возраста. Может быть, с последними возможно сопоставить указанные Норденшельдом верхнепалеозойские сланцы с отпечатками растений у ур. Рыркайпий, которые я не мог отыскать на месте из-за снега. После этого в геологических памятниках наблюдается значительный перерыв, и последующие отложения принадлежат уже к новейшим

постплиоценовым, развитым в виде тундровых слоёв западнее Чаунской губы, по Колыме и её притокам. Прибрежные образования в восточной части побережья, в виду их весьма мощного развития, могут быть до известной степени параллелизованы с тундровыми слоями, хотя отличаются от последних тем, что их образование непосредственно и без перерывов связано с образованиями настоящего времени. Необходимо отметить на Чукотском побережье, по-видимому, отсутствие морских постплиоценовых отложений, так как те глинистопесчаные слои, где была собрана небольшая фауна, при её ближайшем изучении, могут оказаться образованием внутреннего бассейна, так как фауна эта отличается весьма значительной своеобразностью. Картина геологии «Чукотской земли» будет, как она может быть нарисована теперь, полна, если добавить, что ледниковых образований нам, как и ранее Норденшельду, нигде не пришлось встретить, хотя в то же время я должен отметить, что во многих местах горные цепи морфологически отвечают т.н. альпийскому типу, т.е, рельеф их мог быть выработан при участии ледниковой эрозии. Что касается тектоники местности, то, как обычно для всех древне-сланцевых областей, и рассматриваемая отличается сильно нарушенным залеганием, слои изогнуты, перемяты, поставлены на головы. Было бы, однако, преждевременно говорить теперь без подробной карты о тех или других направлениях складчатости, — о структурном плане всей этой части земной коры. Кроме пликативных явлений, наблюдаются, однако, и явления дизъюнктивной дислокации, и весьма возможно, что с одной из таких линий разлома совпадает по направлению Колючинская губа. Что касается полезных ископаемых, вопрос о которых тесно связан всегда с геологическим исследованием страны, то на основании работ экспедиции можно лишь сказать, что те полезные ископаемые (золото, графит, железо), которые найдены у м. Дежнёва, можно ожидать встретить по всему побережью до самой Колымы. Другой вопрос о количестве этих богатств, на который геолог не может ответить на основании своих исследований. Ответа на этот вопрос общество и наука по отношению к золоту тщетно ждали от Восточно-Сибирской компании, десять лет владевшей на концессионных началах Чукотским полуостровом, но ничего там не сделавшей. В последнее время в газетах появились рассказы о нефти на Чукотском полуострове, которые я слышал уже на Колыме и из одного и того

же первоисточника. Нам пришлось видеть тот «вонючий ил», о котором упоминалось в старинной литературе и который теперь заподозрен на нефть, и убедиться, что с нефтью он не имеет решительно ничего общего.

Как однообразна эта страна по геологическому строению, так однообразна она и по своей природе и климату. Всё это характерная тундра, большею частью каменистая, иногда торфянистая, кочковатая, болотистая. Лес, как известно, встречается в бассейне Колымы и Анадыря. Ни одна из рек, впадающих в Ледовитый океан, не доходит вершиной до леса, хотя, судя по характеру плавника, в верховьях Большой реки есть уже кустарники. Редкие лишь кустарники, не выше аршина-полтора, мы встречали также вблизи м. Дежнёва в глухих, защищённых от ветров лощинах, хотя м. Дежнёва лежит уже южнее полярного круга. Это, конечно, можно объяснить себе, только вспомнив слова Биллингса про «Чукотскую землю», у которой «климат самый несносный», — слова, под которыми подпишется каждый здесь путешествовавший. Зимние морозы здесь, по-видимому, редко превышают -40° С., чего, к сожалению, мы не могли измерить точно, но за всё время нашего путешествия зимняя температура ни разу не опускалась настолько, чтобы слышен был шум от дыхания, что вообще довольно точно отвечает температуре -45° С. По словам чукчей дни, когда дыхание шумит, у них встречаются очень редко и не каждую зиму. Зато всю зиму свирепствуют сильные, дующие иногда многие дни, ветры. Главная, однако, причина суровости климата лежит, вероятно, в коротком и холодном лете с часто дующими холодными ветрами, с очень частыми и продолжительными туманами. Тундра населена своими обычными обитателями. Северный олень, волк, песец, бурый медведь, росомаха, белая куропатка встречаются всюду. На прибрежном льду попадает зимою белый медведь, а в горах к этому населению присоединяется горный баран, встречавшийся здесь ранее местами, по-видимому, в изобилии. Как будто, чтобы доказать положение, что тундра и степи являются родственными образованиями, здесь ещё весьма нередко встречается суслик, прекрасно уживающийся в мёрзлой почве. Мы встречали его сами на м. Шелагском, но, по-видимому, он идёт ещё и далее к востоку. Степь напоминали нам также и не раз встречавшиеся журавли — птица, вообще, мало обычная в северной Сибири.

Господствующей народностью в районе работ экспедиции являются чукчи. Русское население живёт только на Колыме, да маленькая русская колония, состоявшая из доктора, доверенного торгового дома Чурина с приказчиком и двух стражников, встретила экспедицию на м. Дежнёва. По Колыме живут якуты и ряд мелких инородческих племён, частью почти вымерших, — юкагиры, чуванцы, ламуты и др. Из них ламуты, вообще, более многочисленные, заходят на восток до Чауна, частью как самостоятельные и даже богатые оленеводы, частью как пастухи у оленных чукчей. Это всё беднота в том роде, как нанятые для нас погонщики. Восточнее Шелагского мыса по всему побережью живут уже исключительно морские чукчи до мыса Дежнёва, где к ним присоединяется, кроме указанной русской колонии и нескольких американцев, ещё довольно значительное племя эскимосов.

Чукчи по образу жизни подразделяются на кочевых или оленных и на сидячих, морских или собачьих чукчей. Иногда этим двум группам противопоставляют третью — торговых чукчей, живущих вблизи м. Дежнёва и занимающихся торговлею с американцами и своими сородичами. Эти подразделения являются, конечно, чисто экономическими. Оленный чукча, потеряв в силу каких-либо случайностей оленей, идёт на берег моря и добывает здесь своё пропитание. Многие из морских чукчей имеют ещё небольшие табуны оленей — в несколько десятков штук, которые пасутся обыкновенно с табунами более богатого чукчи, чаще родственника. Если такой табун увеличится в числе, морской чукча охотно делается оленным, хотя, конечно, это труднее обратного превращения. Во время летнего перехода по побережью от Колымы до Шелагского мыса мы встречали много оленных чукчей, выходящих со своими табунами летом на берег океана, как спасаясь от комаров, так идя на прекрасные здесь, в общем, пастбища, а равно и ради промысла рыбы, являющейся важным пищевым подспорьем в эту пору года. Зимой чукчи отходят от берега в горы, где и стоят со своими табунами на моховищах. В это время вся эта часть побережья обращается в совершенную пустыню, где на следы людей указывают лишь шалаши, построенные из плавника, лабазы, изредка брошенные лодки и т.п. Восточнее Шелагского мыса оленных чукчей мы уже не встретили, все они откочевали ко времени нашего проезда вглубь страны. Но здесь по

всему побережью круглый год сидят морские чукчи посёлками, в несколько шалашей каждый, реже отдельными юртами. Расстояния между такими посёлками весьма различны и весьма часто равны хорошему дневному переходу. Только между ур. Эчуннин и ур. Этонник это расстояние не менее 150 вёрст. Восточнее Колючинской губы посёлки эти крупнее и расположены значительно чаще. Сидячие чукчи в качестве домашних животных держат собак, на которых и совершают свои зимние, иногда весьма отдалённые поездки. Кочёвок эти чукчи не делают совершенно и только каждую осень и весну переставляют свои шалаши, перенося их на несколько десятков или сотен сажен.

Все чукчи живут в совершенно одинаковых жилищах — обширных, неправильно полу-шаровидных шалашах, состоящих из деревянного лёгкого остова, обтянутого оленьей замшей, или же — у сидячих чукчей — вблизи м. Дежнёва — парусиной и т.п. тканью. Шалаш этот представляет, собственно говоря, лишь как бы крытый двор. Самое же жилое помещение будет т.н. «полог» — глухая палатка, сшитая из оленьих шкур в форме параллелепипеда, которая подвешивается в упомянутом шалаше у стены, противоположной входу в него. Размеры полога зависят от числа членов семьи, но во всяком случае таковы, что на одного взрослого человека приходится не более половины кубической сажени воздуха, часто и менее. Так как полог обыкновенно закрыт наглухо, или от него идёт вытяжная труба, по форме и величине напоминающая рукав мужского платья, а в нём постоянно горят лампы, наливаемые тюленьим жиром, реже (у богачей-оленеводов) костяным оленьим жиром, то в нём всегда тепло, даже жарко, так что все сидящие обыкновенно сбрасывают платье с верхней части тела, а женщины раздеваются совершенно, оставляя лишь узенький пояс стыдливости. В постановке полога на зиму у сидячих и оленных чукчей есть некоторая разница. У первых он ставится совершенно крепко и растягивается посредством внутренних перекладин. У оленных же чукчей полог лишь подвешен и перевешивается каждый день. Совершенно одинакова у всех чукчей и одежда, сделанная из оленьих мехов. От американцев ввозится в небольшом количестве бязь, тик и т.п., но все эти ткани употребляются только на шитьё верхних балахонов, имеющих целью защитить меховую одежду от сырости, например, мокрого снега. Пища тех и других чукчей отличается, однако, уже весьма значительно. Оленные чукчи

питаются преимущественно от своего табуна, морские — мясом морских зверей — тюленя и моржа и лишь отчасти олениной, которая здесь является, пожалуй, уже более лакомством. Китовый промысел у чукчей теперь совсем упал, и только вблизи м. Дежнёва ежегодно убивается чукчами один-два кита, по-видимому, редко более. Подспорьем для тех и других чукчей является рыба, охота за дикими оленями, медведями, дикими гусями и т.п., собирание различных кореньев и морских водорослей. Неизменным пищевым продуктом, потребляемым в громадном количестве, раз он есть, является кирпичный чай. От американцев чукчи получают муку-крупчатку, галеты и т.п., так что, чем ближе к востоку, тем питание становится разнообразнее. Своё охотничье оружие чукчи получают преимущественно от американцев, и морские чукчи имеют винтовки прекрасного даже с нашей точки зрения качества. К западным оленеводам те же ружья попадают уже из вторых рук, более старых систем и сильно поношенными. У последних в ходу и русские берданки, которых морские чукчи, можно сказать, не признают совершенно — возможно из-за трудности их получения.

Чукчи не образуют каких-либо общин, не имеют начальников, и все попытки русской администрации создать таких старшин и старост, по крайней мере, в районе, с которым пришлось ознакомиться нам, кончались полной неудачей. В каждой семье главой её является отец, который, однако, как только подрастут сыновья или, за отсутствием их, племянники, уступает им всё хозяйство, оставляя себе такие промыслы, как охота, домашние дела и т.п. Он пользуется полным почётом и уважением. Ему всегда первый и лучший кусок. Его мнение имеет большой вес и уговорить старика сделать что-нибудь, подрядиться, продать — значит получить нужное. С другой стороны, старик ничего не сделает без согласия старшего сына-хозяина, и если даже видит, что тот делает что-нибудь плохо, должен быть очень осторожен с выражением своего недовольства, так как легко может поплатиться за это и платится нередко жизнью. Такие убийства случаются нередко и по сие время, и члены семьи, где они случились, на них совершенно не реагируют. Тем более это относится до других посторонних семей. Наоборот, убийства или обиды между различными семьями всегда вызывают месть, хотя «око за око» здесь легко заменяется выкупом. Таким образом, в основе чукотского социального устройства лежит семья, но семья, понимаемая

довольно широко. Это уже указывает на родовое устройство, но в зачаточной форме, когда род ещё только формируется и представляет лишь огромную разросшуюся семью, члены которой ещё легко могут установить взаимные родственные связи. Чукчи, вообще, широко считают своих родственников и часто говорят и помнят об очень отдалённых родственных связях. Один из наших переводчиков (Румянцев) был очень смешанной крови: юкагир, чуванец и отчасти чукча, и при поездке по побережью он беспрестанно встречал «родственников», о существовании которых и не подозревал. Только недоразумения с русскими заставляли и заставляют чукчей сплотиться временно, и не в общину, а скорее в военную дружину. Чукчи являются, таким образом, по своему социальному устройству, пожалуй, более примитивными, чем другие инородцы Сибири, но это же, по-видимому, можно сказать и об их языке, верованиях и вообще об их всём интеллектуальном развитии, поражавшем часто своим низким уровнем. Сравнивая описания старинных русских путешественников с нашими наблюдениями, мы невольно приходили к заключению, что форма их быта уже лет полтораста тому назад существенно не отличалась от настоящей, и что чукчи настоящего времени, при всех изменениях материальной культуры, очень мало отличаются от чукчей времени путешествия Биллингса. Можно думать, что быт этого народа окончательно сложился и застыл в этих формах ещё далеко ранее, и чукчи, с незапамятных времён жившие вдалеке от всяких посторонних влияний в однообразных суровых условиях жизни и сумевшие великолепно приспособиться к этим условиям и выработать себе большую жизненную стойкость, остановились на одном месте в своём развитии и даже, быть может, пошли назад. Насколько чукчи великолепно приспособились к местным условиям, показывает то, что два встреченных экспедицией у чукчей американца, поселившись у них, перешли совершенно на чукотский образ жизни. Нельзя, конечно, ожидать встретить всё в совершенно одинаковой мере у всех вообще чукчей. Чукчи восточной части побережья, часто видящие американцев, ведущие с ними торговлю и даже бывающие в Америке, с некоторыми из которых я мог даже говорить по-английски (по-русски ни с одним чукчей нам столковаться не пришлось ни разу), естественно восприняли от последних известную культуру и, нужно думать, будут прогрессировать в этом направлении и дальше. Напротив того, оленные чукчи западной

части района работ экспедиции очень мало входят в сношения с культурными людьми. Русское влияние здесь ничтожно, да и русские, по своей характерной национальной особенности, входя в соприкосновение с чукчами, как вообще с инородцами, быстро усваивают их язык и входят как бы в их жизнь. Кроме того, оленеводы мало вообще и нуждаются в чём-либо, так как олень даёт ему большую часть необходимого, а всё остальное он сменяет у своего же брата чукчи и к русским ему идти незачем. Возвращаясь на Колыму, я встретил на ур. Этонник в гостях у морского чукчи богатого оленного чукчу, который в первый раз в жизни видел русского человека. Немудрено, что все обычаи старины сохранились у оленных чукчей почти в полной неприкосновенности, чего уже далеко нельзя сказать про морских дальневосточных чукчей. Также не тронуты или мало тронуты морские чукчи вблизи Шелагского мыса — одинаково далёкие от русского и американского влияния. Они, однако, потеряли уже патриархальность оленных чукчей и не приобрели американской культурности восточных. Когда мы уезжали с Колымы на восток, нам много рассказывали о дикости «носовых» чукчей, т.е. живущих ближе к м. Дежнёва. Мы убедились, однако, что чем далее на восток, тем лучше и лучше становились чукчи, и что наиболее дикими и неприятными являлись именно шелагские чукчи. Этого мнения держались, по-видимому, и восточно-морские чукчи, которые, по образному выражению наших переводчиков, шелагских чукчей «считают как за зверей». Оленеводы Анадырского округа, встречавшиеся нам у Чауна и сравнительно близко соприкасающиеся с русскими, также являются сравнительно культурными и выгодно отделялись в наших глазах от местных чукчей. У них, конечно, многое то, что у западных чукчей является ещё ныне действующим обычаем, будет уже редким исключением или просто преданием. Возможно, что то же самое можно сказать про чукчей, живущих у Колымы и в особенности на «западной» тундре (к западу от этой реки).

Чукчи, в отличие от всех сибирских инородцев, никогда не были окончательно покорены и обложены данью. Ясака поэтому они регулярно не платят. Так как это, по-видимому, очень не нравилось администрации, то был заведён обычай собирать ясак, отдаривая за принесённую пушнину. Анадырские чукчи платят, по-видимому, ясак довольно охотно, и несколько человек показывали мне официальные расписки от

начальника Анадырского округа, в которых внесённый ясак — обыкновенно песок — называется «добровольным». Морские же чукчи этого совершенно не делают. Вследствие того, что чукчи весьма безразличны к отвлечённым вопросам, миссионеры никакого успеха здесь не имели, и единственный крещёный чукча, встреченный нами, был с Анадыря. Как уже говорилось выше, влияние русской администрации на чукчей ничтожно, вернее сказать, его нет вовсе, и чины администрации принципиально отказывались и отказываются от всякого вмешательства в дела чукчей. Немалую роль, может быть, сыграл случай недавнего прошлого, когда чукчи, озлобленные убийством в драке с русскими одного из своих сородичей во время знаменитой некогда Анюйской ярмарки, так решительно двинулись против Анюйской крепости, что исправник бежал из неё на Колыму в первую же ночь, а также, конечно, влияют и совершенно преувеличенные рассказы о дикости чукчей, с которыми мы, в общем, прекрасно ладили.

Чукчи считают себя совершенно независимыми, и мы во время экспедиции всегда сознавали, что, путешествуя по России, мы едем по стране, принадлежащей России только номинально. Не принадлежа фактически России, «Чукотская Землица» не подпадает постепенно под влияние Америки, о чем в своё время немало волновалась пресса, и остаётся такой же независимой, как и до казацких походов. Зависимость от американцев чисто экономическая, как от поставщиков товаров, т.е. совершенно такая же, как раньше (в блестящие времена Анюйской ярмарки) была от русских. Казённый склад, устроенный на мысе Дежнёва, вместе со складом золотопромышленной компании (правда, полуамериканской) имел уже немалое политическое значение, а склад торгового дома Чуриных, устроенный там в 1909 г., и подавно, так как склады эти торговали в такое время, когда привоза новых товаров нет, а есть только запасы их у чукчей и у одного жившего на м. Дежнёва американца. Правильно и широко поставленное торговое дело здесь даст несомненно барыш предпринимателю и может, если не уничтожить американскую торговлю, то аннулировать вполне американское влияние. Только таким путём и возможно бороться с этим последним. Всякие же шаги административного характера, правда, очень лёгкие, вместо пользы, могут принести лишь вред. Легко, например, совершенно не пустить американских торговцев и товаров на Чукотский полуостров,

но если этим прекратится вообще ввоз товаров на полуостров, то население, привыкшее уже к известным вещам и продуктам, будет поставлено в очень трагическое положение. Точно также замена всех американских товаров русскими может иметь очень невыгодные последствия для населения. На Чукотский полуостров по приблизительной оценке упомянутого выше американца Wall²²'а ежегодно ввозится до 1.000 винчестеров с соответствующим количеством патронов. Чукчи очень привыкли к этому оружию, прекрасно справляются с наиболее новыми моделями, и каждый имеет по крайней мере одно, а то два и три ружья, беря часто для стрельбы тюленей одно, для моржа и вообще крупного зверя другое ружьё. Мы совершенно не в состоянии дать чукчам какое-либо иное ружьё вместо винчестера, с новыми системами которого может конкурировать только трёхлинейка, между тем прекратить ввоз хорошего огнестрельного оружия — значит совершенно обездолить край. То же можно сказать и про американскую крупчатку, которая и во Владивостоке конкурирует успешно с русской. Другое дело, например, сильно спрашиваемые чукчами американские галеты, которые могут быть вполне заменены и вытеснены простыми русскими сухарями. Стальные американские изделия также, конечно, удержат рынок, но высокие качества русского сахара, китайского чая, русского табака, русской медной и фаянсовой посуды, отчасти некоторых сортов мануфактуры хорошо известны чукчам. Конечно, ввоз товаров американцами, а также, понятно, и русскими должен вестись под строгим контролем и охраной, чтобы воспрепятствовать эксплуатации населения при помощи водки. Опыт последних лет показал, что устройство поста на мысе Дежнёва сразу во много раз сократило ввоз спиртных напитков, ввозившихся не так давно в таких количествах, что они проникали даже на Колыму, а у чукчей мы всё ещё встречали бочонки, привезённые с водкою, так что такой контроль и в будущем особой трудности не представит.

Теперь, когда на весь этот край обратили внимание, когда недалеко, по-видимому, осуществление торговых рейсов между Владивостоком и Колымою, есть все данные не для усиления, а для восстановления русского влияния и приобщения этого далёкого края к культурной жизни. В чукотской жизни в обычном праве есть много такого, чего ни одна страна, считающая себя культурной, не может допустить в своих пределах, и в этом отношении влияние на чукчей будет много легче, чем,

например, борьба с кровной местью и ножевиной на Кавказе. С другой стороны, было бы очень неосмотрительно начать коренную ломку всей чукотской жизни, — ломку, на которую отдалённые новаторы нередко бывают способны. В течение многих столетий чукчи выработали себе известный образ жизни, великолепно приспособленный к местным условиям. Требовать от некультурного народа гибкости — быстрой приспособляемости к новым условиям, — нельзя. С трудом управляясь и теперь с тяжёлыми жизненными условиями, чукчи, в случае новых влияний, не сумели бы к ним приспособиться и ответили бы, конечно, тем, чем ответили десятки диких племён земного шара — вымиранием, которого в настоящее время у них не наблюдается, или же выселением в Америку, которая их к себе с удовольствием пустит. И то и другое, прежде всего, плохо для самой России. Без чукчей всё побережье Ледовитого океана на занимающем нас пространстве было бы самой печальной пустыней. Даже в случае развития здесь горного (золотого) промысла, оживились бы лишь отдельные пункты во время рабочего сезона. Без местного населения этим пунктам будет очень нелегко, особенно в зимнее время, хотя бы вследствие очень затруднённого сообщения, а таким населением могут быть только чукчи. Поэтому какое бы будущее ни получил Чукотский полуостров, чтобы его ни ждало, чукчей необходимо беречь, и к этому сбережению их и должны быть направлены все мероприятия. Беречь их необходимо не из одного чувства гуманности, совершенно естественного по отношению к народу, заработавшему себе полное сочувствие многовековою борьбою с исключительно тяжёлыми географическими условиями, но даже просто из утилитарных соображений, чтобы сохранить на далёкой окраине население и не дать ей обратиться в пустыню, с которой всегда мудрено что-нибудь сделать. Единственным способом поддержки этого населения является только устройство правильных морских плаваний вдоль побережья и доставка товаров не только на мыс Дежнёва, но и много западнее, как в устье Колымы, так и в какие-либо промежуточные пункты. Устройство таких рейсов одинаково важно и для русского населения по Колыме и вообще для всего населения Колымского округа, также сильно страдающего от экономических причин, вызванных страшной отрезанностью от южной Сибири. Устранить эту отрезанность, улучшить сухопутные пути сообщения почти невозможно в стране, где на

одного жителя приходится чуть не по сто квадратных вёрст, если, конечно, не считаться с такими фантастическими проектами, как железная дорога через Берингов пролив. Единственный и естественный путь — Ледовитый океан, плавание по которому при известной организации дела едва ли встретит какие-либо значительные трудности.

Когда говорят об известных в литературе плаваниях вдоль Чукотского побережья, всегда цитируют плавание «Веги», прошедшей из Европы до восточной окраины Колючинской губы и здесь захваченной зимою только потому, что, занимаясь научными наблюдениями во время своего плавания, «Вега» неизбежно потеряла много времени и запоздала к Берингову проливу. Плавание это в неоспоримой форме доказало возможность прохода Ледовитым океаном вдоль берегов Сибири, но в то же время как бы заставило забыть о других плаваниях, благодаря чему иногда высказывается мнение, что путешествие «Веги» было совершенно исключительным, счастливой случайностью, редкой удачей и, как таковое, не может служить основанием для решения вопроса о плавании по Ледовитому океану в общей форме. «Вега» была, конечно, единственным кораблём, прошедшим северо-восточным проходом, но плавания вдоль отдельных участков Сибирского побережья далеко не являются одиночными. И в частности, вдоль Чукотского побережья эти плавания известны с древнейших времён и шли как с запада, из устья Колымы, так и с востока, из Берингова пролива.

Наша экспедиция вышла на берег Ледовитого океана 24-го июня 1909 года у устья Колымы. Море отсюда до мыса Летяткина было почти совершенно свободно от льдов, так как изредка видневшиеся отдельные и небольшие льдины препятствий плаванию представить не могли. У названного мыса эти льдины встречались чаще, а ещё восточнее, местами, вблизи берега стоял уже сплошной, хотя и разбитый лёд, что зависело от дувших тогда NW ветров, так что местами экспедиция была свидетельницей постепенного накопления льдов у берега. Чаунская губа была свободна ото льда, которого, однако, немало было у берегов Шелагского мыса. Тем не менее, чукчи с этого мыса, с острова Раутан и с урочища Койвеям, беспрепятственно прошли на байдарках на р. Чаун, а астроном экспедиции обогнул на байдаре же Шелагский мыс, хотя и пробиваясь через льды, что для кожаных байдар далеко не безопасно. Чукчи, пришедшие в байдарках с Шелагского мыса на временный лагерь

экспедиции (19 вёрст южнее), были вследствие внезапно усилившегося ветра затёрты там льдом, и некоторые из них должны были оставить здесь на зиму свои байдары, но по Чаунской губе плавание продолжалось ещё и позднее. Когда море замёрзло, с гор Шелагского мыса можно было видеть, что торосы окаймляют сплошной полосой берега мыса, а далее море замёрзло гладко на большей части поверхности. К востоку от Шелагского мыса экспедиция двигалась уже по замёрзшему морю, хотя, начиная от мыса Рыркайпий, встречалось ещё очень много полыней, иногда громадных размеров, как у м. Оньман, а местами (за м. Сердце-Камень) море ещё было не вполне замёрзшим в ноябре месяце, как и у мыса Дежнёва. Но во всяком случае и там, где зимою экспедиция шла по льду, это был разбитый лёд, спаянный вновь образовавшимся ровным, общее количество которого нужно было признать преобладающим, так что свободная водная поверхность осенью была довольно велика. Общее впечатление от этих наблюдений таково, что Ледовитый океан летом у берегов отнюдь не может быть назван забитым льдами. Количество их сравнительно невелико, и лёд у берегов представляет скопления вследствие ветров, дующих на берег. При изменении ветра прибрежная полоса более или менее ото льда очищается. Старого нетронувшагося с прошлого года льда экспедиция не наблюдала. Значительная часть торосов представляет образование того же года и образуется из первоначально гладко замёрзшего льда, взломанного потом ветрами, что особенно наблюдается у высоких скалистых берегов и мысов.

То или другое состояние льдов имеет большое значение для чукчей, так как им обуславливается большая или меньшая удачливость летнего промысла, главным образом, моржовой охоты. Чукчи поэтому внимательно следят за состоянием льдов и могут сообщить подробные данные. По словам чукчей, сидящих у Шелагского мыса, в состоянии льдов здесь наблюдается известная периодичность: каждые четыре (по другому сообщению, пять) лет льды приваливают к берегу, а затем наступает период, когда льды отходят от берега. 1909 год был исключительным, так как по этому правилу льды должны были стоять далеко от берега, а они, наоборот, привалили к берегу, и моржовый промысел в этом году был очень скудным. Один из Шелагских чукчей всю осень собирался плыть на ур. Якан, но не мог дождаться, когда льды дадут этому

некоторую возможность. О плаваниях вдоль побережья в восточной части Чукотского побережья чукчи говорили как о чём-то совершенно обычном, считая главным препятствием противные ветры, а не льды. Многие чукчи, живущие восточнее Шелагского мыса, плавали отсюда на восточную окраину полуострова или возвращались оттуда в байдарках. Чукчи же, живущие у Колючинской губы и восточнее, бывали на своих байдарках и в Америке. Восточнее ур. Этонник моржовый промысел был в общем довольно хорош и в этом году, следовательно, море было в значительной степени открытым. Этим же летом чукотская семья, вышедшая в количестве 8 человек на байдаре на моржовый промысел с ур. Этонник, приблизительно, в конце августа, была подхвачена ветрами и после продолжительного плавания обмёрзла в покрывшемся льдом море где-то за урочищем Ванкарем, откуда уже по льду благополучно спаслась на берег. Чукотское побережье отличается на всём севере Сибири именно тем, что жители умеют и отваживаются выходить в море. Чукотские байдары являются безусловно лучшими сибирскими лодками для морского плавания. Чукчи прекрасно умеют обращаться с парусом и знают употребление руля. Экспедиции приходилось видеть их маневрирование, весьма умелое и уверенное, вызывавшее удивление в наших колымчанах, парусов не знающих и совершенно беспомощных на море. К сожалению, самоё устройство кожаной байдары исключает киль, что при её лёгкости позволяет ходить только при попутных и отчасти боковых ветрах, и против встречных ветров чукчи совершенно бессильны, что, конечно, мешает расширению плаваний и сокращению потребного для этого времени. Насколько велико влияние американцев в умении чукчей обращаться с парусами, сказать трудно. По-видимому, вся конструкция чукотской байдары и её паруса есть местное изобретение, лишь усовершенствованное позднее. Система прикрепления вёсел, например, весьма остроумна, своеобразна и совершенно отличается от известных мне образцов культурных стран.

Таким образом, вдоль всего побережья восточнее Шелагского мыса существует уже теперь в летнее время водное сообщение жителей друг с другом, причём это сообщение нередко принимает характер отдалённых плаваний. Западнее Шелагского мыса такого сообщения нет только потому, что там нет и оседлых морских чукчей. Все эти плавания делаются в небольших судах — шлюпках, но единственная причина этого,

что более крупных судов взять неоткуда и построить не из чего, а также и то, что с ними не справиться, да и нужды в них для чукчей нет. Впрочем, и байдары достигают значительных размеров, и наиболее крупные из них поднимают при полном экипаже, число которого доходит иногда до десяти человек, по несколько сот пудов грузу, или, как определяют чукчи, до восьми убитых моржей, из которых вырезаны кости. Только для русских Ледовитый океан как бы недоступен, и ни одна лодка не решается выйти в море из устья Колымы, хотя раньше, когда у Большой реки существовал посёлок, между ним и Колымой было лодочное сообщение, по крайней мере, нам рассказывали, что миссионер, выехавший в этот посёлок, на Колыму возвратился на карбасе морем.

На основании чукотских плаваний нельзя, конечно, составить представление о глубине моря. Плавание «Веги», во всяком случае, показало, что даже для относительно крупного судна здесь есть фарватер и что, хотя больших глубин здесь не наблюдается, берег всё-таки может быть назван приглубым. Значительные отмели встречаются, по-видимому, у тех частей побережья, где выступают новейшие отложения, как, например, западнее р. Большой, к северу от о. Айон и т.п. Восточнее мыса Шелагского такие места более редки. Берег в общем должен быть назван негостеприимным, но всё-таки, в случае надобности, суда могут хорошо и удобно укрыться в Колючинской губе, в восточной части Чаунской и в устье Колымы. Проход в Колыму с устья, а равно и в Колючинскую губу известен уже давно, а о глубинах при входе в Чаунскую губу экспедиция могла судить по крупным, беспрепятственно проносимым в неё льдинам. Кроме того, восточная часть берега изобилует лагунами, иногда огромных размеров, среди которых могут найтись хорошие гавани, хотя бы для небольших судов.

Экспедиция старалась узнать от чукчей, не имелось ли вообще каких-либо плаваний в последнее время вдоль побережья — расспросы, с которыми приходится быть очень осторожным, так как обычно сообщаются утвердительные данные о плавании далеко к западу, а потом, путём перекрёстных расспросов, удаётся установить, что всё это относится к Берингову морю, к американским шхунам и китобоям, ежегодно приходящим к м. Дежнёва и на запад доходящим до острова Колючина и иногда до ур. Ванкарем.

Вывод из всех этих данных только один. Плавание от Берингова пролива до устья Колымы вполне возможно, и когда фарватер и вообще условия плавания будут изучены подробнее, оно не представит, вероятно, особых затруднений и опасностей. Теперь же плавание может идти при соблюдении ряда предосторожностей, необходимых во всяком неизвестном, а в особенности таком удалённом, пустынном и притом замерзающем море. Время для плавания вообще коротко и пока его возможно принять около полутора месяцев — срок достаточный вполне для одного рейса из Берингова пролива до Колымы и обратно, считая от 1 августа до 15 сентября. При этих условиях судно обогнёт Шелагский мыс, являющийся как самая северная точка всего побережья, наиболее опасным пунктом, обход которого в ту или другую сторону до известной степени уже предсказывает благополучный исход плавания, в конце августа, т.е. в наиболее благоприятное время. В Берингов пролив суда могут проходить иногда и раньше этого срока и уходить позже, но пример «Веги» показывает на некоторую опасность подвергнуться зимовке, запоздав с возвращением. Судно для такого плавания, конечно, паровое, должно быть по возможности небольшого водоизмещения и осадки, с крепким корпусом, и иметь большой запас угля. Экипаж должен иметь хорошее помещение, а судно должно быть приспособлено на случай нечаянной зимовки, т.е. иметь хорошо согреваемые помещения, а также запасы тёплого платья и годовой запас провианта, хорошо подобранного. Впоследствии, когда плавания настроятся, эти предосторожности будут лишними, но вначале они необходимы, хотя бы для того, чтобы дать экипажу полную уверенность в своей безопасности¹.

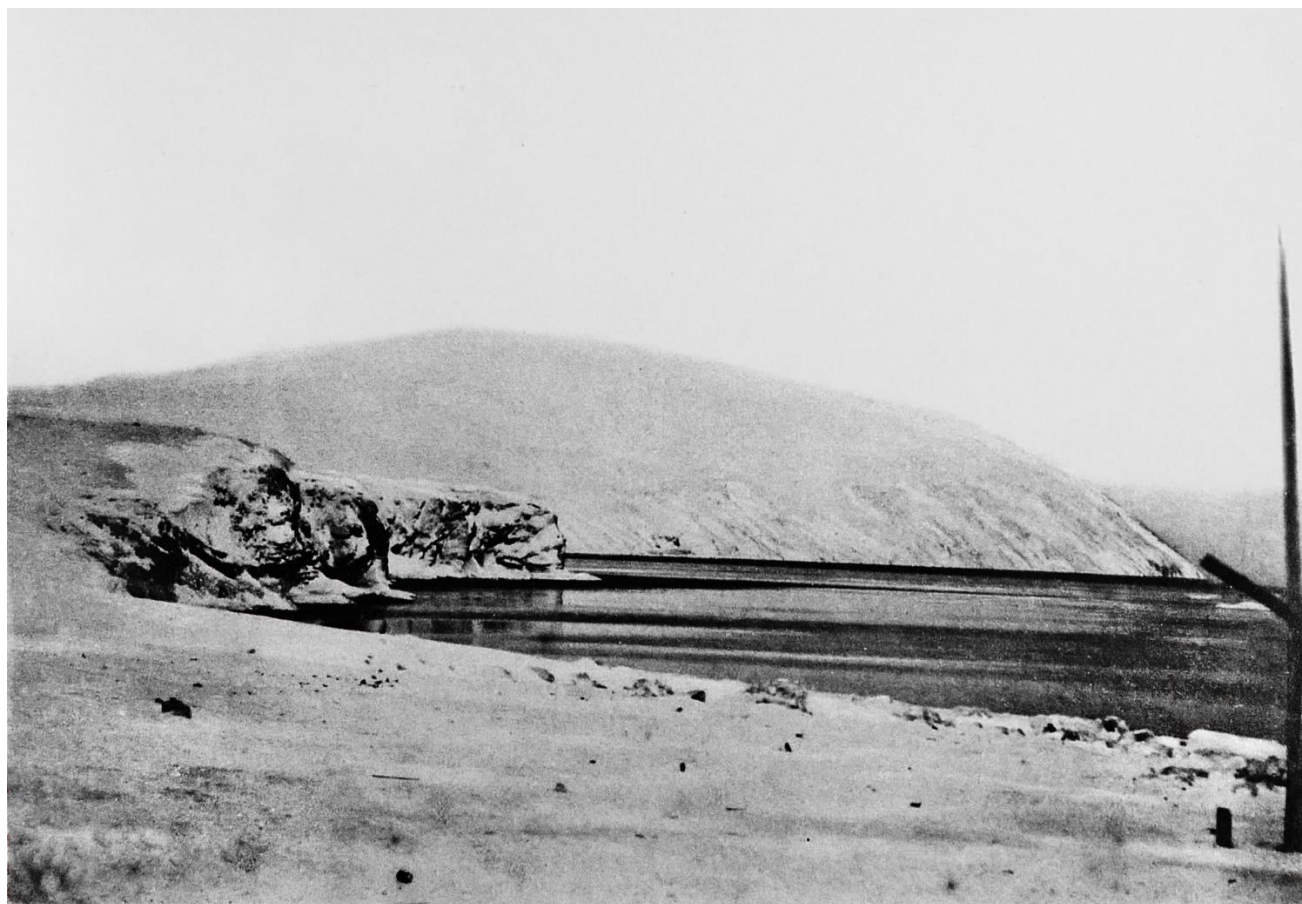
Выше я уже говорил, насколько благотельно будет для этой далёкой окраины устройство пароходного сообщения, которое приблизит её значительно к тем центрам, откуда она получает всё необходимое и от которых отделена многими тысячами вёрст бездорожья. Другой вопрос

¹ Выводы экспедиции относительно возможности плаваний вдоль Чукотского побережья за время печатания этого предварительного отчёта подверглись опытной проверке, так как Добровольному Флоту было поручено отправить летом 1911 года товарный пароход к устью Колымы через Берингов пролив. Как известно, пароход «Колыма», купленный для этого рейса, благополучно прошёл на устье Колымы, сгрузил свои товары и также благополучно возвратился в сентябре месяце в Тихий океан, чем, конечно, вполне показывается правильность выводов экспедиции по вопросу о плавании вдоль Чукотского побережья, возможность которого, по возвращении из экспедиции, я доказывал в ряде докладов и сообщений.

Таблица 11.

1. Мыс Рыркайпий. Утёс Кожевникова. Фото Толмачёва.

2. Мыс Дежнёва от поста Дежнёва. 25/XI. Фото Толмачёва.

в том, имеется ли здесь настолько большой спрос, чтобы оправдалась посылка морского судна, и выгодна ли такая посылка для предпринимателя. Относительно восточной части интересующего нас района ответ дают американские шхуны, находящие для себя выгодным ежегодно приходить с товарами на м. Дежнёва. Американцы серьёзно подумывали и о торговле с Колымским округом, но предприниматели, хлопотавшие об этом, по-видимому, не имели достаточно средств сами и не успели привлечь к себе капиталы, так что дело это не осуществилось. По указанию Якутской администрации в Якутскую область ввозится ежегодно до 180.000 пудов товаров, частью через южную Сибирь, частью через Охотское море. Как ни дешёв морской фрахт, товары, привозимые морем в Колыму, не могут вытеснить весь ввоз в Якутскую область с юга, и осторожнее поэтому считаться не со всей этой цифрой, а с частью её, ограничив, например, сферу влияния предполагаемого рейса только Колымским округом, что скорее будет уменьшением этого влияния, чем его излишним увеличением. По имеющимся официальным данным, население Колымского округа равно, примерно, $1/42$ населения всей Якутской области. Если принять, что ввоз распределяется пропорционально населению, то на Колымский округ придётся немного более 4.000 пудов (4.285). Цифра эта, однако, несомненно меньше действительности, так как в Колымский округ ввозится между прочим и хлеб, который южные округа производят сами. Кроме того, имеющийся ввоз совершенно не обеспечивает потребности населения, где голод в той или иной форме почти обычное явление. Как общее правило, на Колыме перед новым привозом товаров обнаруживается всегда недостача того или другого — самого необходимого для жизни. Насколько мал ввоз и запасы, видно, например, из того, что проезд экспедиции, закупившей для себя сахара, масла и т.п. заметно сказался в Средне-Колымске. Промышленное охотничье население не обеспечено свинцом и ружьями и готово, например, почти за всякую цену купить берданку и патроны, но все привозимые ружья моментально расхватываются. То же самое с волосом и мутаузом для сетей и т.п. Кроме того, вследствие часто полной невозможности получить тот или другой продукт, потребители прямо должны отказываться от них, разительным примером чего является тот факт, что среди большинства колымчан, особенно в низо-

вьях реки, главным пищевым продуктом является рыба, а без хлеба часто обходятся совершенно. Иметь достаточные запасы хлеба оказалось не под силу даже правительству, которое, за невозможностью завезти нужное количество хлеба, давно уже начало выдавать колымским казакам часть их пайка деньгами. В то же время покупательная способность жителей очень велика и у любого колымчанина выше, чем у среднего жителя Европейской России. Всё это показывает, что фактическая цифра ввоза, выведенная выше, значительно меньше требуемой действительными потребностями, которая вряд ли будет менее 100-150 тонн. Проведя круглый год среди чукчей, экспедиция убедилась, что и их потребности далеко не удовлетворяются теми товарами, которые проникают к ним. Экспедиция за всё платила товарами и только благодаря этому могла работать. Чукчи с удовольствием брали чай, табак, сахар, а в сухарях им приходилось даже отказываться. Часть чукчей-оленьеводов приковывала специально к складу на Чауне, предполагая, что здесь будет что-то вроде ярмарки. Другие, по слухам, намеревались приехать издалека. Будь этот склад в несколько раз больше, и производись здесь обычная торговля, весь он разошёлся бы без остатка. Между тем, многие из чукчей, встреченных у Чауна, ходят уже на Анадырь, откуда забирают необходимые им товары по сравнительно дешёвой цене. Морские чукчи получают почти всё нужное от американцев и своих соплеменников-торговцев, но и здесь все их потребности далеко не удовлетворяются. Экспедиция, приехав на мыс Дежнёва в ноябре, на обратном пути уже могла констатировать заметное оскудение запасённых с осени привозных припасов. Через морских чукчей американские товары проникают к оленным и даже отчасти к русским на Колыме. Напротив того, распространение русских товаров с Колымы с каждым годом всё суживается, так как, благодаря громадному, лежащему на них фрахту, они даже у Шелагского мыса не могут конкурировать с американскими, доставка которых сюда также уже очень затруднена. Вдоль всего побережья во всяком случае идёт оживлённый, хотя в общем и небольшой товарооборот, причём наиболее ценным товаром с русской стороны являются собаки, распространяющиеся по всему побережью, а с чукотской — ружья (винчестеры), через ряд посредников проникающие в Колымский округ, где на Колыме иногда можно слышать выражение «настоящий чукотский винчестер». Менее же ценные товары, как, например, кирпичный чай,

посуда, мука, с трудом выносят большой переезд, и население побережья терпит в них хронический недостаток. Удешевление этих продуктов и улучшение способов их доставки, что будет первым следствием устройства морского сообщения, несомненно, немедленно же увеличит спрос на все эти продукты.

Как велик ввоз на Чукотский полуостров, сказать почти невозможно, тем более, что до последнего года этим ввозом занимались почти исключительно американцы. В прежние времена, когда чукчи почти всё необходимое им закупали у русских, Анюйская ярмарка делала обороты на многие тысячи рублей. Теперь эти обороты перенесены на Чукотский полуостров, Анадырь и лишь в малой части удержались на Колыме. Так как предполагать уменьшение числа чукчей нет оснований, то можно думать, что «Чукотская Землица» представляет рынок даже более крупный, чем Колымский округ, так как покупательная способность населения здесь, возможно, даже выше, чем там. Выше упоминалось уже, что, по словам американцев, одних винчестеров ввозится ими ежегодно до 1000 штук. В 1909 году на посту Дежнёва открыл торговлю торговый дом Чуриных, завёзший туда товаров на 30.000 рублей. Несмотря на не вполне удачный подбор товаров и необычный для чукчей способ торговли, в феврале 1910 г. главные запасы уже были распроданы и, по словам заведывающего складом, годовой оборот на этом пункте легко мог бы быть доведён до 100.000 рублей. Эти факты, хотя и отрывочные, вполне подтверждают сделанный выше вывод, что ввозная потребность Чукотского населения не ниже Колымского округа и что ежегодная доставка сюда 300-400 тонн товаров только-только удовлетворит самые насущнейшие нужды русского и чукотского населения.

В пору навигации Чукотское побережье значительно более населено, чем зимою, так как в это время по нему стоят оленеводы, зимою отходящие в горы. Справедливо, чтобы эти инородцы на побережье и могли делать себе нужные запасы на долгую зиму, с удобством обменивая их на запасённую за зиму пушнину и другие продукты. Конечно, во время перехода пароход не может останавливаться для отдельных торговых операций с инородцами, и для этого необходимо устройство в будущем нескольких торговых складов или же развоз товаров вдоль побережья при помощи мелких судов. Местами для складов можно наметить м.

Дежнёва, о. Колючин, м. Шелагский, р. Колыма — все пункты, являющиеся центрами для своих районов. Торговля здесь исключительно меновая, и отдельные склады могли бы очень выгодно распродавать получаемые продукты, пересылая их в другие соответствующие склады. Можно указать, например, что моржовые ремни (необходимы для собачьей упряжи) в Колыме стоят в 10 раз дороже, чем на мысе Дежнёва. Дороже значительно там и шкуры тюленей. Наоборот, продукты оленеводства в Колымском округе значительно дешевле, чем на восточной части Чукотского полуострова, а тем более в Америке, где на шкуры оленей, необходимые для одежды в больших количествах, всегда хороший спрос. В настоящее время трудно рассчитывать на значительный вывоз из Колымского края, откуда в Якутск идёт только дорогая пушнина и немного мамонтовой кости. В будущем можно ожидать увеличения добычи последнего продукта, а также вывоза таких дешёвых мехов как олени, равно оленьего мяса и рыбы. С Чукотского побережья, кроме пушнины, вывозится большое количество моржовых зубов, китовый ус и шкуры морских зверей, в количестве, достаточном для баланса с ввозимыми товарами. Насколько местные жители внимательно относятся к возможному в будущем пароходству видно из того, что Чукотская экспедиция, возвращаясь в феврале 1910 г. через Якутск, высказывала свои соображения о возможности торгового плаванья вдоль Чукотского побережья в устье Колымы и о надеждах на осуществление такого плаванья. 15-го же апреля, т.е. через полтора месяца после этого, несколько молодых коммерсантов в Якутске учредили уже торговое товарищество под фирмой «Колымско-Чукотское Товарищество» непосредственно под влиянием выводов Чукотской экспедиции о возможности торгового мореплавания вдоль Чукотского побережья.

С.-Петербург.
Апрель 1911 года.

OCR Андрей Дуглас, 2023 г.

